

481.07

T-37

899034

Метради

ПЕРЕВОДЧИКА

**ВЫПУСК
16**

ТЕТРАДИ ПЕРЕВОДЧИКА

Вып. 16

*Под редакцией
доктора филологических наук
профессора Л. С. Бархударова*

899034

Издательство
«Международные отношения»
Москва 1979

ВОТГОД. ИМ

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ СБОРНИК
ИЗДАЕТСЯ НА ОБЩЕСТВЕННЫХ НАЧАЛАХ

Редакционная коллегия:

Л. С. Бархударов, В. Г. Гак, В. Н. Комиссаров, А. В. Кунин,
Г. Я. Туровер, В. Д. Уваров, М. Я. Цвиллинг (отв. ред.).

*Авторы несут ответственность
за аутентичность цитируемого материала.*

Тетради переводчика. Вып. 16/ Под ред. проф.
Т 37 Л. С. Бархударова. — М.: Междунар. отношения,
1979. — 120 с.

В 16-м выпуске «Тетрадей переводчика» ставится вопрос о соотношении сопоставительных исследований и переводческого анализа, дается критика гипотезы Куайна о неопределенности перевода, говорится о трудностях перевода на русский язык «Утопии» Томаса Мора, о проблеме передачи аргоизмов испанского языка, о роли стилистического анализа художественного текста при переводе (на примерах из «Мистерий» К. Гамсуна). Сборник представляет интерес для изучающих иностранные языки.

Т $\frac{70104-023}{003(01)-79}$ 42-79 4602000000

ББК 81

4

ТЕТРАДИ ПЕРЕВОДЧИКА,

ВЫП. 16

Редактор *В. П. Торпакова*
Издательский редактор *Н. И. Божанова*
Художественный редактор *В. В. Сурков*
Технический редактор *Т. С. Орешкова*

ИБ № 300

Сдано в набор 13.10.78. Подписано в печать 01.03.79. А 01459. Формат 84×108¹/₃₂.
Бумага тип. № 2. Гарнитура «литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 6,30.
Уч.-изд. л. 6,45. Тираж 13 000 экз. Заказ № 787. Цена 45 коп. Изд. № 67/78 Ф.
Издательство «Международные отношения». 103031, Москва, К-31, Кузнецкий мост,
24-26. Ярославский полиграфкомбинат Союзполиграфпрома при Государственном
комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 150014.
Ярославль, ул. Свободы, 97.

I. ВОПРОСЫ ТЕОРИИ ПЕРЕВОДА

О. Каде
(Лейпциг)

К ВОПРОСУ О ПРЕДМЕРЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ПЕРЕВОДА*

С тех пор как теория перевода перестала ограничиваться эмпирическим обобщением переводческого опыта, прослеживанием наблюдаемых между переводом как результатом особого вида речевой деятельности и оригиналом соотношений¹, а стала выдвигать своей целью теоретическую реконструкцию (моделирование) процесса перевода², наблюдаются разные подходы к определению предмета лингвистического исследования перевода. Под влиянием некоторых сугубо структурных направлений в языкознании, а также в связи с прикладными целями машинного перевода переосмысление задач теории перевода, ее переход от эмпирически обобщающей нормативной дисциплины к теоретически объясняющей дескриптивной сопровождался необоснованным с точки зрения реального объекта (т. е. перевода как класса явлений действительности) сужением понятия перевода как предмета исследования, проявляющимся в отрыве перевода от его функции и тем самым от его общественной обусловленности³, а также (в

* От редакции. Редакция сборника рада сообщить, что настоящей статьей профессора Отто Каде «Тетради переводчика» начинают сотрудничество с руководимым им журналом «Fremdsprachen» (ГДР).

¹ Это до недавнего времени считалось основной задачей теории перевода. (Ср., напр.: Федоров А. В. Введение в теорию перевода. М., Изд-во лит-ры на иностр. яз., 1958.)

² Ср., напр.: Ревзин И. И., Розенцвейг В. Ю. Основы общего и машинного перевода. М., Высшая школа, 1964; Каде О. Zufall und Gesetzmäßigkeit in der Übersetzung. — Beihefte zur Zeitschrift „Fremdsprachen“ (BZF), I. Leipzig, 1968; Nida E. A. Towards a science of translating. Leiden, 1964.

³ См. подробнее: Каде О. Zur Anwendung verschiedener Realisationsformen der Translation. (Bemerkungen zur Bestimmung des Gegenstandes der Übersetzungswissenschaft.) — Linguistische Arbeitsberichte (LAB), 7. Leipzig, 1973; Каде О. Zu einigen Grundposi-

результате этого) в пренебрежении эмпирическими данными и в неправильном понимании соотношения дескриптивных и нормативных аспектов¹.

Характерными примерами слишком узкого или же абстрактного определения перевода как предмета научного исследования являются микролингвистические и семантические концепции в теории перевода, которым все более настойчиво в последние годы противопоставляются макролингвистические (коммуникативные) концепции², учитывающие взаимодействие языковых и неязыковых факторов в процессе перевода (в частности, социальные аспекты этого вида речевой деятельности) и их влияние на результат, т. е. на перевод как речевое произведение.

В основе микролингвистических концепций лежит априорное (т. е. неполученное в результате изучения эмпирически заданного реального объекта и непроверенное на практике) допущение, что закономерности перевода (целиком или в основном) определяются структурой формальных и функциональных соответствий между исходным языком (ИЯ) и переводящим языком (ПЯ), детерминируемой, в свою очередь, структурными свойствами ИЯ и ПЯ как знаковых систем.

Сюда относятся и трансформационные модели перевода³. Они, правда, объясняют многие изменения в структуре текста на ПЯ (по сравнению со структурой текста на ИЯ), которые не поддаются объяснению путем прямого сопоставления поверхностных структурных единиц, наблюдаемых в обоих текстах, но все же эксплицируемый «скрытый механизм» перевода зиждется исключительно на струк-

tionen bei der theoretischen Erklärung der Sprachmittlung als menschliche Tätigkeit. — Übersetzungswissenschaftliche Beiträge (ÜB), I. Leipzig, 1977.

¹ См. подробнее: Бархударов Л. С. К вопросу о взаимоотношении дескриптивного и нормативного аспектов в теории перевода. — LAB, 7. Leipzig, 1973.

² Ср., напр.: Швейцер А. Д. Перевод и лингвистика. М., Воениздат, 1973; Комиссаров В. Н. Слово о переводе. М., Междунар. отношения, 1973; Бархударов Л. С. Язык и перевод. М., Междунар. отношения, 1975; Neubert A. Invarianz und Pragmatik. — BZF, V/VI. Leipzig, 1973; Neubert A. Theorie und Praxis für die Übersetzungswissenschaft. — LAB, 7. Leipzig, 1973; Kade O. Die Sprachmittlung als gesellschaftliche Erscheinung und Gegenstand wissenschaftlicher Untersuchung. — ÜB, III. (В печати.)

³ Ср.: Nida E. A. and Taber Ch. R. The theory and practice of translation. Leiden, 1969.

турных свойствах обоих языков. Не сомневаясь в релевантности для перевода трансформаций, обусловленных структурой данных двух языков, мы, однако, не согласны сводить сущность перевода к механизму внутри- и межъязыковых трансформационных операций¹. Ведь в любом хорошем переводе найдется немало законных и закономерных изменений по сравнению с оригиналом (в частности, изменения лексико-семантической структуры текста), возникающих в результате учета переводчиком ситуативно обусловленных норм речевого поведения носителей данного языка, наличия или отсутствия у них (как членов исторически сложившейся коммуникативной общности) необходимой для понимания текста предварительной информации (pre-information) и других неязыковых факторов, играющих роль в коммуникативно-речевой деятельности. Такие изменения микролингвистическими моделями перевода, включая трансформационные, не охватываются.

Поэтому они не могут претендовать на полноценную (адекватную) теоретическую реконструкцию перевода, что не означает, что они не нужны или даже вредны и что их следует отвергать. Отвергать, однако, надо утверждение о том, что система эквивалентностных отношений между единицами двух языков (как знаковых систем) и функционирование этой системы соответствий разноязычных знаков (т. е. структурных единиц языковой системы с определенными функционально-семантическими свойствами) в процессе перевода представляют собой то, что достойно научного интереса и что, следовательно, перевод, выполняемый строго по принципу соблюдения языковых данных, представляет собой «собственно перевод», который и является единственным общим и одновременно специфическим предметом теории перевода, из чего делается вывод, что единственная «подлинно научная» теория перевода — сугубо лингвистическая.

На самом же деле — как ни важна система эквивалентностных отношений между единицами языков для перевода — в процессе перевода устанавливаются соответствия между единицами речи, например, между предложениями ПЯ и ИЯ (а именно, как наименьшими коммуникативными единицами в структуре текста, а не как наи-

¹ См. подробнее: K a d e O. Zum Verhältnis von Translation und Transformation. — BZF, III/IV. Leipzig, 1971; D o h e r t y, M. Was ist eine gute Übersetzung? — ÜB, 11. (В печати.)

большими единицами в структуре языка), и в конечном счете между текстом на ПЯ и текстом на ИЯ как наибольшими коммуникативными структурными единицами на уровне речи. Функциональные соответствия между единицами языков, несомненно, являются необходимой предпосылкой для существования (или же для создания в процессе перевода) коммуникативных соответствий между единицами (разноязычной) речи, но функциональные межъязыковые соответствия на уровне языка сами по себе еще не являются достаточным условием для создания коммуникативно эквивалентных (разноязычных) речевых произведений. Система межъязыковых эквивалентностных отношений (т. е. система функциональных соответствий между структурными единицами разных языков) имеет потенциальный характер; ее актуализация в процессе перевода (т. е. выбор функционально эквивалентных структурных единиц ПЯ при создании коммуникативно эквивалентных структурных единиц речи на ИЯ) только частично определяется факторами, заложенными в структуре данных двух языков и тем самым в системе функциональных соответствий между ними, а частично же неязыковыми факторами, порождаемыми в результате установки речепроизводства на коммуникативную ситуацию, т. е. на весьма сложный ансамбль языковых и неязыковых условий, которым должен удовлетворить любой текст, чтобы он функционировал как коммуникат, т. е. как средство передачи информации. Следовательно, речевая деятельность, в том числе и перевод как особый рецептивно-репродуктивный вид этой деятельности¹, а также ее результат, т. е. текст как речевое произведение, в том числе перевод как вторичный текст на ПЯ, выполняющий аналогичную первичному тексту на ИЯ (но не тождественную) функцию, не поддаются исчерпывающему научному исследованию без учета их экстралингвистической коммуникативной направленности, потому что отсюда вытекают существенные (т. е. определяющие их сущность как класс явлений действительности) свойства исследуемых реальных объектов.

Поэтому общим и притом специфическим предметом теории перевода следует считать все то, что производит закономерное влияние на создание коммуникативно эквивалентных и способных благодаря этому свойству выполнять

¹ Ср.: Z i m n j a j a I. A. Die psychologische Analyse der Translation als Art der Redetätigkeit. — ÜB, I. Leipzig, 1977.

(в разных коммуникативных и языковых общностях) аналогичную коммуникативную функцию разноязычных речевых произведений (см. подробнее ниже). Такое широкое понимание предмета теории перевода отнюдь не заставляет отрицать ее лингвистический характер, если только признать лингвистическим, наряду с исследованием языка как знаковой системы, также и исследование речепроизводства и речи (как способов и результатов общественного использования языка), хотя бы потому, что без этого невозможно раскрыть и понять общественный характер языка, и если конечно, допустить, что лингвистика (как и любая другая наука) при решении своих специфических задач использует достижения других наук, например, социологии, психологии, создавая на стыке с ними смежные дисциплины (социолингвистику, психолингвистику и пр.), чтобы в конечном счете описать и объяснить развитие, формы существования и функционирование языка как средства общения и мышления¹.

С точки зрения диалектического материализма микролингвистическое определение общего предмета теории перевода неприемлемо, потому что то, что объявляется общим и специфическим предметом этой теории, не отражает в нужной мере общие и притом специфические свойства (и тем самым сущность) эмпирически заданного объекта. Это вновь показывает, что неприменение гипотетико-дедуктивных методов в исследовании объектов общественного характера само по себе порочно², а стремление «приспособить» реальные объекты к изучению такими методами, в частности, сделать их как бы всецело доступными формальному описанию, между тем как на самом деле существенные, но (по крайней мере, пока что) недоступные формальному описанию стороны просто не принимаются в расчет.

Примером такого самообмана является абсолютизация априорно дефинированного предмета теории (или даже науки в целом), причем этот предмет ставится выше реального объекта, отдельные стороны которого, не укладывающиеся в методологическую концепцию таким образом, или

¹ Ср.: Общее языкознание, I. Формы существования, функции, история языка. М., Наука, 1970; Звегинцев В. А. Язык и лингвистическая теория. М., МГУ, 1973.

² Ср.: Кедров Б. М. Ленин и диалектика естествознания XX века. М., Наука, 1971.

просто выбрасываются из теории, или объявляются научно необобщаемыми, или переводятся в компетенцию других наук.

Что касается теории перевода (науки о переводе), то не может быть сомнения в том, что она возникла и развивалась в результате общественной потребности в описании и объяснении перевода как своеобразного коммуникативного явления в общественной практике людей. Не будь такого реального объекта, она не имела бы права на существование. Следовательно, общественной задачей теории перевода является именно описание и объяснение в с е х существенных сторон перевода как реального объекта. Какие именно стороны перевода являются существенными (т. е. определяющими его сущность), можно узнать только исходя из реального объекта, обнаруживая в нем то, что является общим и необходимым для всего класса явлений действительности и одновременно специфичным по сравнению с другими классами, т. е. существенные стороны перевода невозможно «провозглашать», исходя из заранее принятых теоретических и методологических соображений, как это имеет место в случае микролингвистического определения общего предмета теории перевода.

В семиотических концепциях определения перевода¹ (в соответствии с общей установкой семиотики на ф у н к ц и о н и р о в а н и е знаковых систем, а не только на их внутреннее строение) связанные с его коммуникативной функцией стороны, в основном, учитываются, но (что совершенно справедливо с семиотической точки зрения) в рамках самого общего понятия коммуникации. Переводом называются тогда все процессы замены одних знаков другими, при которых (применительно к какой-то заданной системе координат) сохраняется некоторая инвариантная информация. Естественно, что закономерности «человеческого» перевода с помощью естественных языков, всегда происходящего в определенных социальных условиях, отражаются здесь в самом обобщенном виде, его специфичность как социальная деятельность человека теряется. Теория перевода превращается в теорию перекодирования знаков, без учета их характера и характера и условий их

¹ Наиболее развита семиотическая концепция в трудах А. Людсканова. (Ср., напр.: Людсканов А. Превеждат човекът и машината. София, 1967.; L j u d s k a n o v A. Mensch und Maschine als Übersetzer. Halle/S., 1972.)

использования. Теория перевода, однако, привязана к эмпирически заданному объекту и не может абстрагироваться от его специфичности, как это необходимо в таких общетеоретических дисциплинах как семиотика, кибернетика и др. в целях достижения самой высокой степени обобщения, на которую не может претендовать теория перевода. Общесемиотическая теория перекодирования знаков обобщает результаты теории перевода и обогащает ее теоретический фундамент, но не заменяет ее.

Макролингвистический (коммуникативный) подход к определению предмета теории перевода отличается от микролингвистического тем, что взаимодействие языковых и неязыковых факторов, имеющее место в переводе, как и в любой другой коммуникативно-речевой деятельности, не элиминируется априорно из процесса познания объекта, а от семиотического тем, что перевод рассматривается как человеческая деятельность в человеческом обществе, вследствие чего взаимодействующие в нем факторы (в том числе и языковые) в соответствии с реальным объектом понимаются как социально-исторические категории. Из этого вытекает, что макролингвистическое определение предмета теории перевода не только не исключает, а наоборот, требует его социолингвистического и психолингвистического исследования. Итак, согласно макролингвистической концепции, общим предметом теории перевода являются все те объективно (независимо от индивидуальности переводчика) обусловленные свойства реального объекта (т. е. процесса перевода и его результата как средства осуществления опосредованной двуязычной коммуникации), которые детерминированы закономерным воздействием на произведение и понимание коммуникативно эквивалентных разноязычных текстов как языковых, так и неязыковых факторов. К последним, в частности, относятся общенсторические и актуальные ситуативные условия коммуникации, их отражение в сознании участников коммуникации как членов определенной коммуникативной общности с определенным общественно-историческим опытом.

В макролингвистической концепции учитывается двойной характер текста: текст как продукт актуализации единиц языка путем сочетания их согласно языковым правилам и речевым нормам, с одной стороны, и текст как коммуникат — с другой. В качестве коммуниката текст является носителем информации об определенной ситуации и в определенной ситуации (напр., для определенных ад-

ресатов с определенным общественно-историческим опытом). Без учета этого двойного характера текста невозможно объяснить, например, регулярность наблюдаемых в любом хорошем переводе изменений по сравнению с оригиналом, вызванных тем, что у адресатов на ПЯ (в результате иного общественно-исторического опыта) нет предпосылок осознать на основе тех же что в оригинале эксплицитных значений содержащуюся в нем имплицитную и ассоциативно эвоцируемую информацию.

С другой стороны, содержащаяся в коммуникате и идентифицируемая компетентными (т. е. владеющими данным языком и располагающими предполагаемым общественно-историческим опытом) участниками коммуникации как «смысл текста»¹ информация существует только на основе (актуализированных в тексте) значений языковых знаков. Исходя из этого, можно попытаться элиминировать из о п и с а н и я (модели) перевода экстралингвистические данные и ограничиться (конечно, в широком смысле) лингвистическими², эвристически проверяя эту возможность в процессе познания реального объекта, между тем как априорное элиминирование «неудобных» для лингвистического описания факторов из самого процесса познания недопустимо, ибо оно неизбежно ведет к неадекватному описанию (моделированию) объекта.

В заключение хочется подчеркнуть, что речь идет здесь об о б щ е м предмете теории перевода, о ее предмете *in toto*. Этот общий комплексный и многогранный предмет не поддается ни анализу, ни описанию в один прием. Из него можно и надо выделять отдельные аспекты или стороны и подвергать их частному исследованию. В познавательных целях можно и надо создавать модельобъекты³; т. е. дефинировать как предмет описания (моделирования) упрощенные и схематизированные по сравнению с реальным объектом и с общим предметом исследования теоретические конструкты, в том числе и такие модельобъекты перевода, которые можно адекватно отображать в формаль-

¹ Ср.: Б о н д а р к о А. В. Синтаксическая семантика и речевой смысл. — Проблемы синтаксической семантики. Материалы научной конференции. М., 1976.

² Ср.: J ä g e r G. Translation und Translationslinguistik. Halle/S., 1975.

³ Термин А. Людсканова. (Ср.: Л ю д с к а н о в А. Творческий характер процесса перевода и возможности его автоматизирования. — BZF, V/VI. Leipzig, 1973.)

ной модели. Только при этом нельзя забывать об отношении модельобъекта к предмету теории перевода в целом и к реальному объекту и провозглашать (созданный путем идеализации) модельобъект «собственно» предметом «подлинной» научной теории.

Поэтому различие модельобъектов и общего предмета теории перевода отнюдь не терминологический, а фундаментальный методологический вопрос.

Таким образом, при макролингвистическом определении (общего) предмета теории перевода его семиотическое и микролингвистическое исследование и описание не отрицается, а наоборот, является интегративным элементом этой теории, которому, однако, отводится в ней место, добавляющее ему по мере участия в раскрытии и описании того, что в соответствии с общественной практикой является ее общим предметом.

В. Г. Гак

(Москва)

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Соотношению перевода и лингвистики в последние годы уделяется все возрастающее внимание. Работы, касающиеся этой проблемы, столь многочисленны и многообразны, что можно наметить уже общую типологию исследований, посвященных проблеме «перевод — лингвистика». Их можно разделить на три группы: 1) работы, в которых положения языкознания используются для обоснования теории и практики перевода. Таковы известные книги А. В. Федорова, В. Н. Комиссарова, А. Д. Швейцера, Я. И. Рецкера, Л. С. Бархударова и др.; 2) работы, в которых показывается преломление общелингвистической (или общесемиотической, психолингвистической) проблематики в переводе как в особом виде речевой деятельности, как в двуязычном лингвистическом эксперименте. По этому аспекту имеется ряд представляющих интерес публикаций¹, но что касается монографий, то эта «экологическая ниша» пока еще остается незаполненной; 3) работы,

¹ См., напр.: Кузьмин Ю. Г. Перевод как мыслительно-речевая деятельность. — Тетради переводчика, вып. 12. М., Междунар. отношения, 1975.

в которых сами переводы обоснованно используются для лингвистических исследований. Таковы статьи, диссертации, монографии сопоставительного характера.

Разумеется, между тремя видами исследований нет непроницаемых границ, и нередко в одном и том же труде обнаруживаются элементы исследований всех трех направлений; речь идет о господствующем направлении, о «сверхзадаче» работы. Следует также оговорить, что сопоставительные исследования не обязательно обращаются к переводам. Если сопоставление осуществляется на уровне форм или значений, то использование данных перевода отнюдь не обязательно. Однако последнее становится целесообразным, если исследуется функционирование слов или форм в речи, если сопоставление осуществляется на уровне высказываний¹.

Хотя различие между этими тремя типами исследований само по себе понятно, полезно еще раз остановиться на нем, особенно на специфике первого и последнего, поскольку при недостаточно четком понимании этого различия можно предъявлять к тем или иным работам необоснованные пожелания и ожидать от них того, чего они не должны давать по самой своей природе.

Например, авторы статьи «О критериях оценки перевода» ставят в упрек некоторым сопоставительным работам то, что в них «стилистическая оценка перевода либо вообще не формализуется, либо сводится к оценке выбора варианта из ряда стилистических синонимов»². Но оценка перевода, изложение принципов которой является важнейшей задачей работ первого типа, отнюдь не входит в задачу сопоставительных исследований. Разумеется, исследователь-«сопоставитель» (или «контрастивист»), сравнивая перевод с подлинником, дает мысленно оценку фразам перевода. Но самый тот факт, что он приводит в своей работе данный перевод рядом с подлинником, используя его в качестве иллюстрации или основания для языковедческих выводов, свидетельствует о том, что он

¹ О разнообразии подходов при сопоставлении могут дать представление, например, материалы сборников: Бюлетин за съпоставително изследване на българския език с други езици. София, 1977, № 1—2 (болгарский и французский языки), № 3 (болгарский и немецкий), № 4—5 (болгарский и английский), № 6 (болгарский и русский языки).

² Ц в и л л и н г М. Я., Тур о в е р Г. Я. О критериях оценки перевода. — Тетради переводчика, вып. 15. М., Междунар. отношения, 1978, с. 5.

оценил положительно данный факт перевода во всех его аспектах — смысловом, стилистическом, прагматическом, — что он солидаризируется с переводчиком и редактором перевода (если таковой имеется). В противном случае, если перевод представляется ему неадекватным, он просто не пользуется им. В подходе к оценке перевода со стороны «переводоведа» и «контрастивиста» различие не только в том, что в первом случае оценка эксплицируется, мотивируется, причем отмечаются, если нужно, и недостатки перевода, тогда как во втором — она имплицитна (неудачные, с точки зрения исследователя, варианты не обсуждаются, как правило, но просто не приводятся). «Переводовед» оценивает весь данный отрезок текста (слово, словосочетание, предложение, сверхфразовое единство и т. п.) глобально, во всех его аспектах и взаимосвязях. «Сопоставитель», который анализирует определенное явление, имеет право ограничиться только этим последним, пренебрегая вопросом о качестве перевода остальной части отрывка, даже опуская ее, если это не влияет на эквивалентную передачу того языкового явления, которое его интересует в данный момент.

Например, в книге «Сопоставительная лексикология» для иллюстрации контекстуальных взаимозамен центростремительных глаголов (типа *получать*) и центробежных (типа *давать*) приводится фраза из повести В. Аксенова «Апельсины из Марокко» и ее перевода, опубликованного во Франции¹: «Уличным мальчишкам, шнырявшим под ногами, давали подзатыльники» — *Les gamins qui couraient de-ci de-là dans la foule, recevaient quelque calotte*. С переводческой точки зрения, если нас интересует оценка данного перевода, возникает вопрос о том, адекватно ли переведен экспрессивный глагол 'шнырявшим под ногами' оборотом *qui couraient de-ci de-là*, где *courir* означает нейтральное 'бегать' и вместо 'под ногами' появилось 'в толпе', соответствует ли слово *calotte* слову *подзатыльник*. Однако для интересующей нас в данном случае лингвистической проблемы (корреляция *получать* — *давать*) это — побочный момент и причастный оборот с его переводным эквивалентом можно было бы вообще опустить из иллюстрации.

Таким образом, при сопоставительном исследовании

¹ Г а к В. Г. Сопоставительная лексикология. М., Междунар. отношения, 1977, с. 5.

оцениваются не все детали данного отрезка перевода, но это не значит, что они игнорируются вообще. Как раз сопоставительный анализ дает объективное научное обоснование, инструмент для оценки правильности многих аспектов перевода. В той же «Сопоставительной лексикологии» особые главы посвящены анализу того, что обычно включается в стилистическую окраску слова (подчеркнем, что название книги заставляет обращать внимание прежде всего на слово, а не на фразу или другие единицы языка). В разделе «Логическое и экспрессивное» показывается, что во французском языке меньше, чем в русском, «живописных» глаголов, дополняющих обозначение действия выражением экспрессивной окраски. Поэтому нередко в контексте экспрессивность в русской фразе выражена особой глагольной лексемой, тогда как во французской лексема нейтральна, а экспрессивность выражается в обстоятельствах и других элементах, а иногда выявляется лишь ситуативно. Таковы рассматриваемые там соответствия *jeter*—*швырнуть* (а не только *бросить*), *suivre qn*—*поплестись* (а не только *последовать за кем-л.*) и др. На фоне этой общей выведенной из сопоставительных исследований закономерности представляется контекстуально вполне обоснованным перевод *шнырять* (под ногами)—*cougir* (букв. «бегать») *de-ci de-là*. Наверное, это не только контекстуальный эквивалент, ибо «Русско-французский словарь» под ред. Л. В. Щербы переводит глаголы *шмыгать* и *шнырять* сочетанием *cougir rag-ci rag-là*. Лингвистический компонентный анализ позволяет проверить правильность перевода отдельного слова. Так, в приведенной фразе *подзатыльник* переводится *calotte*, тогда как тот же словарь дает иной эквивалент: *taloche*. Проанализируем эквиваленты с помощью словарных определений¹. В русском словаре слово *подзатыльник* определяется как «удар рукой по затылку», причем в обоих приводимых примерах он дается мальчишкам, так что это можно рассматривать как потенциальную сему слова. Отсюда общая семантическая формула слова:

подзатыльник (легкий) удар+по затылку+(даваемый детям). Французские словари определяют слова *taloche* и

¹ Словарь русского языка в 4-х т. Т. III. М., Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1959, с. 260; В é n а с Н. Dictionnaire des synonymes. P., 1956; Le Petit Robert, Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. P., 1967; Lexis, Dictionnaire de la langue française. P., 1975.

calotte как легкий удар (tape), но расходятся в дифференциальных семах:

taloche:

Béнас: легкий удар + по голове или щеке + (для наказания)

P. Robert: легкий удар + (особ. детям)

Lexis: (легкий) удар + по лицу

calotte:

Béнас: легкий удар + по голове

P. Robert: легкий удар + по голове

Lexis: легкий удар + по голове или щеке + даваемый детям

Мы видим, что ни то, ни другое слово не соответствует точно русскому *подзатыльник* (еще один пример безэквивалентной лексики!), однако более близким к нему по своему семному составу оказывается французское *calotte* (шлепок по голове), если исходить из позднейших словарей. Определение словаря Бенака и перевод словаря Щербы отражают, видимо, устаревший узус. Таким образом, сопоставительный анализ оправдывает в одном случае совпадение, в другом — расхождение между решением переводчика и рекомендациями словаря.

Сама замена глагола в рассматриваемом примере также выступает не как случайность перевода, но как проявление закономерности расхождения между двумя языками. Глагол *donner* (допнер) является, как известно, трехместным предикатом со следующими аргументами-актантами:

(1) А (кто) дает В (что) С (кому)

При выборе в качестве синтаксического подлежащего В или С образуются структуры:

(2) С (кто) получает В (что) от А (от кого)

(3) В (что) переходит к С (к кому, куда) от А (от кого)

Как и при всякой центростремительной ориентации процесса (ср. пассив), ясный из ситуации или неопределенный семантический субъект (А) может быть не выражен. Французский язык имеет тенденцию начинать предложение с подлежащего, русский охотно начинает его с дополнения-обстоятельства. Поэтому при синтаксической инверсии, свя-

занной с изменением актуального членения предложения в русском тексте избирается структура (1) или (3) с инверсией, а во французском — (2):

Мальчишкам (С) давали подзатыльники (В). — Les gamins (С) recevaient des calottes (В).

В комнату (С) не проникало солнце (В). — La chambre (С) ne recevait pas de soleil (В).

Расхождение в структуре предложения с использованием глаголов-конверсивов — типичное средство достижения эквивалентности при переводе, касающемся французского и русского языков.

Мы видим, что лингвистически можно объяснить и обосновать закономерность, а следовательно, и адекватность самых разных явлений при переводе. Соотношение между сопоставительным исследованием и переводческим анализом может быть описано так: «контрастивист», прагматически определяя адекватность перевода во всех его параметрах (семантика, стиль и т. п.), сопоставляет его с подлинником и индуктивно получает межъязыковые соответствия, которые затем подвергаются проверке путем дедукции, на основе лингвистической теории. Эти выводы, в свою очередь, могут служить объективно орудием при анализе перевода.

При использовании перевода как источника для лингвистического исследования необходимо преодолеть случайность и субъективизм со стороны переводчика. Для этого нужно опираться на статистические данные. Мы можем считать, что обнаруживаем объективное соответствие между формами двух языков, если встречаемся с одним и тем же явлением перевода неоднократно, при переводе различных авторов, разными переводчиками, при переводе с данного языка и на тот же язык.

В оценке перевода, по-видимому, целесообразно различать два «этажа». На высшем «этаже» оценка основывается на адекватности реакции реципиента перевода. В литературе правильно указывалось, что этот критерий не поддается формализации и практически неиспользуем¹. Тем более можно добавить, что разные люди различно реагируют не только на подлинник и перевод, но и на один и тот же текст, особенно художествен-

¹ См.: Цвиллинг М. Я., Туровер Г. Я. О критериях оценки перевода, с. 6.

ный. Языку свойственна принципиальная вариативность средств выражения. Во многих случаях выбор между синонимами не релевантен в речи и здесь также искать объективные критерии оценки невозможно. Но на менее высоком «этаже» перевод может быть оценен с его «технической» стороны, в отношении адекватности используемых средств. При этом под технической стороной понимаются не только слова и конструкции, но стилистические особенности, звучание, прагматика текста в социальном аспекте. При оценке на этом уровне, как было показано выше, сопоставительный анализ может принести большую пользу, так как во многих случаях он позволяет обнаружить, что данное решение переводчика является не случайным, но отражает межъязыковые закономерности.

Для устранения индивидуально-субъективного в определении адекватности перевода предлагается использовать методы анкетирования. Это вполне закономерный прием. Однако и здесь, как это имеет место всегда, когда анкета касается языковой нормы, каждый анкетиремый будет исходить из своей языковой компетенции, в данном случае из своего интуитивного представления о расхождении между двумя языками. Но переводчики и редакторы в своей работе также исходят из своей языковой компетенции, касающейся корреляции двух языков. Поэтому анализ способов перевода однотипных явлений в ряде разных переводов может рассматриваться как своего рода анкетирование, объектом которого выступают сами специалисты-практики перевода.

Сопоставление опубликованных переводов с подлинниками — лучший способ разработать общую и частную теорию перевода (при условии, как отмечалось выше, сочетания индукции с дедукцией). Знание материалов сопоставительного анализа позволяет переводчику работать увереннее и точнее, знакомит его с прецедентами, покажет ему, какие вообще изменения возможны и допустимы при переводе. На уровне форм эти изменения сводятся к трансформациям морфолого-синтаксического характера. Более сложны преобразования на семантическом уровне, но и они поддаются исчислению, поскольку в конце концов сводятся к общим логическим отношениям между понятиями, такими как расширение и сужение, отношения по смежности и противоположности, метафорические и метонимические переносы. Особенно важны последние, отражающие устойчивые предметные отношения между элементами опи-

сываемой действительности. Анализ переводов позволяет вскрыть характерные расхождения, которые почти невозможно предвидеть, если ограничиваться лишь внутриязыковым перифразированием. Как бы ни различались способы описания ситуации в подлиннике и переводе, если этот перевод адекватен, всегда можно обнаружить характерные типы семантических переходов. В статье В. Н. Комиссарова и Г. Я. Туровера¹ приводится пример перевода фразы из романа «Путь наверх»: *I couldn't go wrong* — «Я чувствовал необычайную уверенность в себе». При внешней несхожести между словами оригинала и перевода имеется закономерная корреляция на семантическом уровне. Английская фраза буквально значит: «Я не мог потерпеть неудачу». Глагол 'мочь' (во многих языках) при соотнесенности с не-будущим действием выражает не физическую способность совершения действия (как, напр., в предложении «Я могу прийти к вам завтра»), но гипотетичность (ср.: «Я мог ошибиться» — «Возможно я ошибся»). При отрицательной форме он выражает уверенность: «Я не мог ошибиться» — «Конечно, я не ошибался». Переводчики использовали это дважды антонимическое отношение («Конечно, меня ожидал успех»). Логическое соотношение причины и следствия позволило перейти к фразе: «Конечно, меня ожидал успех» → «Я чувствовал необычайную уверенность в себе». Так, семантико-логический анализ проявляет адекватность двух высказываний (возникает лишь вопрос об уместности интенсификатора «необычайный»).

Сопоставительный анализ показывает особенности описания однотипной ситуации средствами разных языков. Здесь прежде всего возникает проблема избыточности или экономии речи при описании ситуации, а также ее описание с разных сторон (векторные и разноаспектные номинации). В упомянутой выше статье приводится фраза Р. Бредбери с переводом на русский язык: *A moment later she sat up, startled, gasping* — «Мгновение спустя она испуганно выпрямилась в кресле, прерывисто дыша» (с. 27). На первый взгляд, решение переводчика ввести в перевод слова «в кресле» может показаться субъективным или произвольным, хотя это явно вытекает из описываемой ситуации. Однако, сравнивая русские и французские тексты, мы обнаруживаем аналогичные факты. Вот сегмен-

¹ Комиссаров В. Н., Туровер Г. Я. Перевод как лингвистический источник. — Тетради переводчика, вып. 12. М., Междунар. отношения, 1975, с. 27.

ты фраз из романа И. С. Тургенева «Дым» и его перевода, опубликованного во Франции.¹

Один из молодых генералов привстал *со стула*.

Un des plus jeunes généraux se leva.

Он поднялся *с постели*.

Il se leva.

Он вышел из дому, погулял немного.

Il sortit, se promena un peu.

Это наводит на мысль, что в русском языке избыточно употребляется обозначение места при описании положения или движения человека, когда речь идет о таких ясных из ситуации локализаторах, как сиденье, постель, комната, двор, дом, улица и т. п. Поэтому при переводе французской фразы *Et elle sortit* (Флобер) будет закономерным введение дополнения, соответствующего ситуации: «И она вышла во двор», и, напротив, при переводе русской фразы: «У Ирины болит голова. Она лежит *в постели* и не встает» (Тургенев) можно и должно опустить указание на место: *Irène avait mal à la tête, elle était couchée et ne se lèverait pas avant le soir*.

Сопоставление переводов наглядно показывает функционирование слов и форм в речи, в непосредственной соотнесенности с ситуацией. Большое значение приобретает здесь пресуппозиция, которая включает в себя энциклопедические знания говорящих и их знания о конкретной ситуации в момент речи («широкая» и «узкая» пресуппозиция). Она позволяет устранять обозначение того или иного элемента ситуации в соответствии с нормами построения речи на данном языке. Касаясь возможности преобразования типа «Он услышал собачий лай» → «Он услышал собаку» Ю. Д. Апресян полагает, что они затрагивают узкий класс контекстов, ибо «мы можем слышать собаку не только, когда она скулит, воеет или скребется в дверь»². Однако здесь следует различать два случая. Среди проявлений предмета, действий, совершаемых им или над ним, имеются такие, которые являются наиболее типичными, неотмеченными, нормативными. Представление об этих атрибутах

¹ Примеры приводятся по кн.: Г а к В. Г., Р о й з е н б л и т Е. Б. Очерки по сопоставительному изучению французского и русского языков. М., Высшая школа, 1965, с. 187.

² Апресян Ю. Д. Об одном правиле сложения лексических значений. — Проблемы структурной лингвистики, 1971. М., Наука, 1972, с. 442.

объекта входит в широкую пресуппозицию говорящих. Эти свойства предмета отражают устойчивые отношения между объектами действительности и описываются логикой как его диспозициональные предикаты. Именно указания на такие действия и свойства можно «зачеркнуть» при перефразировании или при переводе. Так, например, собака может и лаять, и скулить, и скрестись в дверь, но именно лай — в русском языке — обозначает типичное голосовое поведение собаки. Остальные действия — скулить, выть и т. п. — «отмеченные», специфические, они могут быть не упомянуты лишь в условиях «узкой» пресуппозиции, когда, например, об этом сообщалось в предыдущей фразе. Итак, перефразирование «Он услышал собачий лай» → «Он услышал собаку» вполне нормальное (напр., для французского языка) и не вносит ничего нового в информацию, тогда как преобразование «Он услышал как собака скребется» — «Он услышал собаку» носит не языковой характер, но глубоко речевой и допустимо лишь в узком контексте.

Пушка может издавать звук при стрельбе, при падении, при перевозке по тряской дороге, и наконец, если она взорвется. Но характерным для нее является первое. Это ее *raison d'être*: пушку «держат» ради того, чтобы она стреляла, подобно тому, как собаку приручили прежде всего ради ее лая, а не вытья или царапанья в дверь. Поэтому фразу из Золя: (Weiss) *écouta: c'était le canon* переводчик — поскольку в соответствии с нормой русской речи он должен был ввести здесь процессное слово — вполне закономерно перевел: «Вейс прислушался: *гремели* пушки» (можно было бы: «грохотали», «стреляли», но уже выбор между этими синонимами относится к более высокому уровню анализа перевода и здесь нас не интересует).

С различным отображением разными языками устойчивых предметных отношений мы встречаемся на каждом шагу. Нас не смущает, что предложение «Дом стоит на углу» мы переводим на английский или французский язык с глаголом общего значения типа *быть*, игнорируя как бы вертикальное положение объекта, поскольку стоять — нормальное положение дома, представление о котором входит в общую широкую пресуппозицию. Другое дело, если дом занимает нетипичную позицию, например: покосился. В таком случае мы должны обязательно воспроизвести глагол при переводе. Таким образом, правило, согласно которому слово при переводе (перефразировании) может опускаться, если оно отражает устойчивые, входящие в

общую пресуппозицию связи и признаки объекта, и должно семантически воспроизводиться, если оно обозначает необязательные признаки, охватывает широкий круг контекстов и позволяет объяснить многие реальные преобразования при переводе.

Сопоставление текстов с учетом изменений лексико-грамматических форм, семантических соответствий, логических корреляций и связей и экстралингвистической действительности, позволяет исчерпывающим образом вывести закономерности перевода, отражающие компетенцию лиц, владеющих двумя языками, закономерности, которые, в свою очередь, могут послужить орудием объективной оценки ряда существенных аспектов самих переводов.

В. Ф. Самсонов
(Челябинск)

К АНАЛИЗУ ГИПОТЕЗЫ КУАЙНА О НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ ПЕРЕВОДА

Гипотеза о неопределенности перевода была выдвинута американским логиком и философом Уиллардом Куайном в монографии «Слово и объект»¹ и вызвала острую и не прекращающуюся до сих пор дискуссию. В ней приняли участие такие известные философы языка и лингвисты, как Г. Харман, Н. Хомский, П. Цифф, Э. Стениус, Я. Хинтиikka и др. В советской научной литературе на гипотезу Куайна откликнулись лишь В. В. Целищев² и В. Н. Крупнов³. Существенным недостатком многих зарубежных и указанных отечественных работ является истолкование этой сложной и многоаспектной гипотезы по преимуществу в одном каком-либо плане. И надо сказать, что повод для этого дал сам Куайн, который не изложил четко своей позиции по поднятым в гипотезе вопросам.

Основной тезис гипотезы Куайна в самом общем виде сводится к тому, что любой перевод является принципиально неопределенным. И, таким образом, не может быть

¹ Quine W. Word and Object. N. Y.; L., 1960.

² Целищев В. В. Логическая истина и эмпиризм. Новосибирск, Наука, 1974.

³ Крупнов В. Н. В творческой лаборатории переводчика. М., Междунар. отношения, 1976.

отдано предпочтение какой-либо схеме перевода как более правильной. При этом понятие перевода употребляется Куайном в широком смысле как переложение одного выражения на другое (что возможно и в одном и том же языке). Применительно к различным национальным языкам тезис состоит в следующем: «Руководства для перевода с одного языка на другой могут быть составлены различными способами; все они могут быть совместимы со всем количеством речевых предрасположенностей, но не совместимы друг с другом, поэтому нет смысла спрашивать, какое же руководство верно»¹.

Можно выделить, по крайней мере, четыре взаимосвязанных аспекта гипотезы Куайна: логический, лингвистический (семиотический), гносеологический и методологический. Причем главным из них является гносеологический аспект. Он связан с общефилософской позицией Куайна, с семиотическим аспектом, с проблемой истины и, соответственно, далеко идущими философскими следствиями, главное из которых — отрицание объективности истины.

Своей гипотезой о неопределенности перевода Куайн подчеркивает скорее не трудности перевода (возможны многие приемлемые переводы), а отсутствие объективных оснований для выбора из ряда приемлемых, но не совместимых друг с другом переводов. Развивая философские гносеологические идеи, связанные с гипотезой о неопределенности перевода, Куайн утверждает, что возможна самая различная систематизация ощущений и что научный метод есть путь к истине, но он не позволяет даже в принципе дать единственное определение истины².

Гипотеза Куайна в книге «Слово и объект» не была проиллюстрирована достаточно ярким и убедительным примером, что, видимо, и побудило Г. Хармана дать в ее подтверждение свой, в сущности, логический пример перевода теории чисел в теории множеств³. По нашему мнению, переводы со специальных научных языков и с естественных, национальных языков существенно различаются, хотя и объединяются некоторой общесемиотической проблематикой (проблемой значения и синонимии как интерлингвистического явления). Поэтому, по нашему мнению,

¹ Quine W. Word and Object, p. 27. (Пер. автора статьи.)

² Ibid, p. 23.

³ Harman G. An Introduction to "Translation and Meaning". — Synthese, 1968, v. 19, N 1/2.

пример Г. Хармана не является убедительным подтверждением гипотезы У. Куайна¹.

В лингвистическом плане гипотеза о неопределенности перевода есть выражение скептицизма Куайна относительно традиционного и «менталистского» толкования значения и синонимии. Согласно Куайну, значения, понимаемые как некоторые идеи, выражаемые языковыми образованиями, не обладают объяснительной силой, а понимание перевода (интерлингвистической синонимии) как сохранения одного и того же смыслового содержания есть заблуждение. Он утверждает, что «нет оправдания для сопоставления лингвистических значений, разве только в терминах предрасположенностей людей к открытой реакции на социально наблюдаемые стимуляции»². Соответственно язык характеризуется им как комплекс предрасположенностей к речевому поведению. Так возникает поведенческая концепция языка и связанная с ней гипотеза о неопределенности перевода. Следовательно, основной тезис гипотезы утверждает, что на основе поведенческих критериев (свидетельств) не существует никакого способа установления перевода уникально.

С введением так называемого «стимульного значения» тезис несколько конкретизируется. Стимульное значение подразделяется на утвердительное и отрицательное (точнее, является упорядоченной парой обоих). Утвердительное стимульное значение языкового выражения есть класс всех стимуляций, которые при этом вызывают согласие, или согласные реакции, потребителя языка. Стимуляция X принадлежит к утвердительному стимульному значению выражения Y, если предъявление стимуляции X ведет к принятию выражения Y. Отрицательное стимульное значение определяется аналогично. Два выражения стимульно-синонимичны, если они у одного или более потребителей языка вызывают одинаковое стимульное значение. Соответственно основной тезис гипотезы Куайна принимает следующую форму: человеческие предрасположенности к принятию предложений не детерминируют уникально интерпретацию этих предложений.

¹ См.: Самсонов В. Ф. Логико-семиотические особенности специальных языков науки (в связи с проблемой неопределенности перевода). — Первая Всесоюзная конференция по теории и практике перевода (Функциональный стиль научной и технической литературы). Тезисы докладов. Каунас, 1975.

² Quine W. Word and Object, p. IX.

Стимульное значение лежит в основе так называемого «радикального перевода», т. е. перевода с языка какого-либо неизвестного до тех пор племени. В такой ситуации через наблюдение предметной обстановки и тесты туземных речевых поведенческих предрасположенностей лингвист-исследователь может переводить некоторые предложения, связанные с наблюдаемой ситуацией, и распознавать стимульную синонимию и аналитичность. Но для того, чтобы понять значение отдельных терминов, грамматику неизвестного языка и завершить радикальный перевод, лингвист-исследователь должен принимать определенные «аналитические гипотезы» (определенные руководства перевода на этот счет). Здесь и обнаруживается, что перевод на основе поведенческих критериев связан с систематической неопределенностью.

Проблема, как ее объясняет Куайн, заключается в том, что условия радикального перевода (прежде всего стимульные условия) совместимы с различной интерпретацией некоторого концептуального содержания сознания и структуры языка туземца на этом втором этапе перевода. Например, термин переводимого туземного языка *gavagai* (положим, *кролик*) является термином с отдельной референцией (т. е. он может относиться к кролику в целом, к нераздельным частям кролика, к стадии кролика и т. д.). Но при различных референциях, он может иметь одно и то же стимульное значение. По Куайну, это связано с тем, что само понятие термина (и его референции) определяется представлениями о структуре языка в целом, способами его членения и сопоставления исходного языка и языка перевода опять-таки в целом. И Куайн уверен, что всегда будет некоторая произвольность в выборе в этом отношении (т. е. неопределенность).

Таким образом, хотя Куайн утверждает, что он якобы не выясняет природу и сущность значения, а вводит понятие стимульного значения, чтобы только принять некоторого рода синонимию, но фактически он развивает довольно определенную теорию значения и перевода, а именно бихевиорально-экстенциональную¹.

По Куайну, мы не можем добиться успеха в определенности перевода (предпочтения какой-либо одной схеме перевода как наиболее правильной), так как существуют

¹ К сожалению, в интересной книге В. Н. Комиссарова «Слово о переводе» (М., Междунар. отношения, 1973) бихевиоральная модель перевода не приводится.

различия между концептуальными схемами людей, которые не обусловлены эмпирически. Неопределенность перевода — это вопрос о том, сколько вариации, не обусловленной эмпирически, может быть в нашей концептуальной схеме. Таким образом, неопределенность перевода берется со ссылкой на эмпирическую «ослабленность» теории (в данном случае лингвистической).

Гипотеза Уилларда Куайна о неопределенности перевода, безусловно, имеет под собой некоторые объективные основания и определенные гносеологические корни. Процедуры перевода на основе поведенческих критериев, описанные Куайном, могут быть полезны практически в определенной ситуации, а именно в ситуации радикального перевода и, допустим, в ситуации непосредственного общения с представителями иной цивилизации. В общем семиотическом (лингвистическом) плане существенным моментом доктрины Куайна о неопределенности перевода является отрицание наличия лингвистически нейтрального значения и трудность установления значения вообще. Данное положение не является новым, оно в принципе справедливо и действительно затрудняет перевод.

Однако, как видим, своей гипотезой Куайн утверждает нечто большее, особенно в гносеологическом плане. Он утверждает отсутствие теоретически нейтральных терминов (как научных понятий) вообще и возможность установления определенной обусловленности теории опытом (наблюдением, «очевидностью»). И в этом самом существенном и широком плане с его философскими следствиями сама гипотеза, по нашему мнению, во многом является следствием абсолютизации отдельных трудностей процесса познания, следствием порочной (позитивистско-прагматистской) методологии в анализе языка, что связано с неопрагматизмом и так называемым «научным реализмом» Куайна.

В связи с общефилософской позицией Куайна тезис о неопределенности перевода, по нашему мнению, есть дальнейшее развитие его конвенционалистических эпистемологических взглядов в плане языкового поведения. Куайн отвергает неопозитивистский редукционизм и дихотомию между аналитическими и синтетическими утверждениями. Он считает, что наши утверждения о внешней реальности стоят перед судом чувственного опыта не индивидуально, а как связанное целое. По его мнению, во всех наших верах (мнениях) есть «эмпирическая ослабленность» и, поскольку наши знания определяются опытом как целое, принятие или откля-

нение каких-либо конкретных положений всегда будет вопросом решения. Иначе говоря, в отличие от неопозитивистов, которые описывают только «необходимую» (логическую) истину как конвенциональную, Куайн в работе «Две догмы эмпиризма» пересматривает конвенционализм с позиций «более полного прагматизма» и расширяет сферу конвенций и решения до всех истин, которые мы принимаем¹.

В соответствии с утверждением о принципиальной невозможности различения аналитических и синтетических истин Куайн подчеркивает двойную и, по его мнению, неразличимую зависимость концептуальной схемы от опыта и языка (от факта и условности). Отсюда уже приведенное выше отрицание объективности (или, по крайней мере, единственности) истины.

По нашему мнению, в самом широком гносеологическом плане неопределенность перевода восходит к трудностям соотнесения эмпирического и теоретического знания и, шире, к проблеме определенности и неопределенности научного знания. Правда, в статье, касающейся оснований неопределенности перевода, Куайн специально подчеркивает, что неопределенность перевода это не только случай эмпирически неопределенного характера естественных наук (куда он относит и лингвистику), но что она является добавочной².

Конечно, неопределенность радикального перевода связана и с проблемой содержания чужого сознания и с проблемой «второй природы» (творческой деятельности разума). Но неопределенность перевода берется прежде всего со ссылкой на «эмпирическую ослабленность» и конкуренцию между теориями. По крайней мере, исходным пунктом доктрины о неопределенности перевода является ссылка на существование эмпирически эквивалентных, но логически не совместимых физических теорий³. И тезис о неопределенности радикального перевода — это, в известной мере, проблема изоморфизма различных теоретических описаний одних и тех же эмпирических данных.

Неопределенность научного знания при переходе от эмпирического к теоретическому объясняется вероятностным механизмом возникновения самой теории. Универсально-

¹ Quine W. From a Logical Point of View. — Harvard Univ. Press, 1953, p. 46.

² Quine W. On the Reasons for Indeterminacy of Translation. — The Journal of Philosophy, 1970, v. 67, N 6, p. 180.

³ Ibid.

го индуктивного метода, который сводил бы эмпирию к теоретическим понятиям, видимо, не существует. Например, усовершенствовать теорию (аналитические гипотезы), чтобы она согласовывалась с эмпирическими фактами (ситуациями поведенческого радикального перевода) можно различными способами.

Объективная неопределенность естественных языков и их относительность, безусловно, являются источником некоторой неопределенности знания о языке и неопределенности перевода. Такая неопределенность перевода известна давно и не подлежит критике. Но Куайн, указывая на неопределенность истинности характеристики предложений (утверждений), что связано с единством семантики и синтаксиса и проявлением такого свойства значения (смысла), как континуум, склоняется к детерминации истинного значения по преимуществу теорией и языком. Отправным и первичным пунктом познания, по Куайну, выступает теория. Объективная реальность не может быть рассмотрена дотеоретически и внетеоретически. Теория же фактически отождествляется с языком. И здесь уже проявляются черты идеалистического в своей сущности «научного реализма» Куайна.

Различия в концептуальных схемах индивидов Куайн связывает с различиями в овладении ими языком и с постоянной эволюцией естественного языка. При этом подчеркивается влияние интерсубъективности и ассоциативности предложений друг с другом при научении языку и его функционировании. Следовательно, обсуждаемые различия концептуальных схем индивидов — это не просто индивидуальные умственные различия людей, которыми в гносеологическом плане можно пренебречь.

Однако в противоречивом единстве определенности и неопределенности научного знания Куайн абсолютизирует момент неопределенности, во многом игнорируя определенность. Неопределенность научного знания не дает права на те релятивистско-конвенционалистские и агностические выводы, к которым приходит Куайн в своей гипотезе о неопределенности перевода¹.

Что касается специально выделяемых Куайном причин неопределенности перевода, то следует заметить, что не-

¹ См.: Самсонов В. Ф. Определенность и неопределенность научного факта и научной теории. — Ленинская теория отражения. — Вып. 6. Объективное содержание научного знания. Свердловск, 1975.

которая недетерминированность концептуальной схемы объективной реальностью, зависимость ее от языка (и путей овладения им) являются относительными. Вариации индивидуального сознания (концептуальной схемы) накладывают на наши возможности познания содержания чужого сознания лишь относительные ограничения. Наши знания о чужом сознании в принципе проверяемы и подкрепляются заключениями по аналогии.

Отрицание Куайном смыслового содержания языковых знаков также имеет свои гносеологические корни. Конечно, идеи (мысли) буквально не содержатся в языковых выражениях (в природном содержании языковых знаков). Очевидно, мысль как свойство высокоорганизованной материи, как функция мозга не может существовать вне головы человека. Материальную основу мысли здесь составляют материальные нейродинамические процессы, протекающие в структурах мозга. Часто же распространено мнение, что языковые знаки содержат в себе мысль как таковую. И скепсис Куайна против такого ментализма справедлив и философски глубок. Подобный ментализм фактически ведет к платонизму (объективному идеализму).

Однако то, что мысль не вкладывается в слово при изречении и не существует как некоторое «идеальное бытие» в языке, и даже не существует в оголенном, «чистом» виде в голове человека (признание такого существования есть вульгарный материализм), по нашему мнению, не отрицает того, что языковые выражения представляют и выражают мысли, хотя и особым образом: в форме значений. Скепсис Куайна справедлив лишь против вульгарно-метафизических образных концепций значения, но не против диалектико-материалистических теорий значения, учитывающих единство отражения и деятельности.

Конечно, существенна роль языка как фактора, управляющего поведением субъекта и его внутренними психическими процессами, существенна прагматика языка в передаче знаний. Но нельзя гипертрофировать прагматическую функцию языка в ущерб другим его функциям, как это делает Куайн. Скептицизм Куайна относительно традиционного «менталистского» толкования значения не есть только легкое подозрение любого скептика относительно природы и существования идей, как это пытаются представить некоторые его сторонники. Фактически он отрицает интенциональную (смысловую) семантику как науку и направлен против материалистического принципа отра-

жения¹. К конституированию значения, по нашему мнению, имеют отношение все элементы знаковой ситуации, все аспекты языка — семантика, синтаксис и прагматика при ведущей роли интенциональной семантики².

Одной из причин отрицания Куайном смыслового содержания языковых знаков являются трудности в решении проблемы синонимии. Трудности действительно существуют. Традиционная характеристика синонимов как выражений, имеющих одинаковое значение, действительно неопределенна. При рассмотрении явления синонимии Куайн и его сторонники фактически требуют формально строгих критериев для синонимии и идентификации. Однако проблема синонимии не только языковая (семантическая), но прежде всего гносеологическая, и она связана с творческим характером мышления, полифункциональностью естественного языка и его эволюцией. Явление синонимии, по своей природе сложное и противоречивое, требует и соответствующего диалектического истолкования³.

Неудовлетворенный «некритическим ментализмом» и «безответственной семантикой», Куайн пытается уточнить понятия значения и синонимии в области прагматики (речевого поведения). Но выступая с позиций позитивистско-прагматистской методологии, он попадает в сферу еще большей неопределенности. Трудности перевода на основе поведенческих критериев отмечал еще Н. Миклухо-Маклай в своих заметках об изучении языка туземцев. Рудольф Карнап также указывал на неопределенность перевода при экстенциональной характеристике значения⁴. Наконец, сам Куайн в предисловии к книге «Слово и объект» замечает, что систематическая неопределенность перевода обнаруживается в результате ограничения исследования языка и значения лишь бихевиоральным методом.

¹ Об ограниченности куайновской концепции значения см.: Самсонов В. Ф. Нетрадиционная теория значения Уилларда Куайна. — Философские науки, 1975, № 2.

² К сожалению, среди большого количества монографий по теории перевода, изданных в СССР в последние несколько лет, лишь в книге Л. С. Бархударова «Язык и перевод» (М., Междунар. отношения, 1975) проблеме значения уделено должное внимание.

³ Более подробно о диалектико-материалистических взглядах на проблему значения и синонимии см.: Самсонов В. Ф. Слово и объект (Критический анализ теории референции У. Куайна). Челябинск, 1976.

⁴ Карнап Р. Значение и необходимость. М., Изд-во иностр. лит-ры., 1959, с. 341.

II. ВОПРОСЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА

Ю. М. Каган
(Москва)

О ПЕРЕВОДЕ НА РУССКИЙ ЯЗЫК «УТОПИИ» ТОМАСА МОРА *

В феврале 1978 года исполнилось 500 лет со дня рождения великого английского гуманиста Томаса Мора. Знаменитая его книга «Утопия» переводилась на русский язык несколько раз. Первый перевод появился в конце XVIII века, последний — в 1978 году.

На титульном листе первого издания было написано: «Картина всевозможно лучшего правления, или Утопия. Сочинения Томаса Мориса Канцлера Аглинского, в двух книгах. Переведена с Аглинского на Французский г. Руссо, а с Французского на Российский. С дозволения Управы Благочиния. В Санкт-Петербурге, на иждивении И. К. Шнора. 1789 года». С чьего дозволения и на чьем иждивении было указано, кто переводил — неизвестно. Вскоре, в 1790 году, последовало второе, точно такое же издание, но под другим названием: «Философа Рафаила Гитлоде странствование в новом свете и описание любопытства достойных примечаний и благоразумных установлений жизни миролюбивого народа острова Утопии. Перевод с Аглинского языка, сочинение Томаса Мориса...».

В «Московском журнале», издаваемом Н. М. Карамзиным (1791 г., ч. I), неизвестный автор рецензии (может быть, сам Н. М. Карамзин) выписал название книги с определенным намерением вызвать ироническое отношение к переводу. После слов «любопытства достойных примечаний» рецензент поставил в скобках два восклицательных знака, после имени автора «Мориса» в скобках стоит: «Моруса». В самой же статье

* О т р е д а к ц и и. Редколлегия рада возможности поместить статью о Томасе Море, принадлежащую перу автора последнего по времени перевода его «Утопии» на русский язык и отражающую работу над этим переводом.

пересказывается содержание: «Сия книга содержит описание идеальной или мысленной республики, подобной республике Платоновой; но только слог Англичанина не есть слог Греческого Философа...» (с. 359). За пересказом идет нелестное заключение о переводе: «Вот что можно было извлечь из сего политического романа, весьма темного в Русском переводе. Читатель может судить о сем по следующим местам: «Все предметы, встречающиеся глазам сих рабов, о д у м а в ш и х с а м и х с е б я , имеют такое н а д н и м и у ч а с т и е , что отвращают их от вины...» (с. 364). И в конце весьма суровые слова о неизвестном переводчике: «Многие галлицизмы в слогe доказывают, что книга сия переведена не с Английского, а с Французского языка... Видно, что он (переводчик. — Ю. К.) еще во Французском языке не очень силен; да и в Русском тоже». (с. 365).

На самом деле не так уж существенно, был этот перевод сделан с английского или с французского, потому что Томас Мор написал «Утопию» на латинском языке.

В 1901 году историк Е. В. Тарле опубликовал перевод «Утопии» в приложении к своей магистерской диссертации¹. Этот перевод вызвал очень серьезные возражения критики² главным образом из-за того, что Е. В. Тарле тоже переводил книгу не с латинского оригинала, а с плохого немецкого перевода. Поэтому многое оказалось понято неправильно, а кое-что, не имеющее прямого отношения к теме его работы, Е. В. Тарле и вовсе не перевел.

Два года спустя «Утопия» вышла в переводе А. Г. Генкеля³. Несмотря на заверения переводчика, «Утопия» и на этот раз переводилась не с латинского языка, а с немецкого⁴. В отзыве на эту работу А. Сонни писал: «Мы имеем дело вовсе не с переводом латинского подлинника, а с переводом немецкого переложения «Утопии», принадлежащего перу некоего Н. Kothe и перепечатающегося в

¹ См.: Т а р л е Е. В. Общественные воззрения Томаса Мора в связи с экономическим состоянием Англии его времени. Приложения: I. Перевод «Утопии» с латинского (!). II. Неизданная рукопись современника о Томасе Море. СПб., 1901.

² См.: В о д о в о з о в В. Исследование г. Тарле по социальной истории Англии. СПб., 1901.

³ М о р Т. Утопия... Пер. с лат. А. Г. Генкеля при участии Н. А. Макшеевой. СПб., 1903.

⁴ А. Сонни в своей рецензии доказывает это вполне убедительно. (Журнал Министерства народного просвещения, апрель, 1905, с. 379—393).

известной Universalbibliothek Реклама»¹, и сетовал на то, что в России так и нет еще такого текста «Утопии», который отвечал бы «требованиям филологической критики»². При всем этом перевод А. Г. Генкеля издавался четыре раза без каких бы то ни было исправлений или дополнений. Даже странный, непонятно откуда взявшийся портрет Т. Мора с усами неизменно присутствовал во всех переизданиях.

Русский перевод «Утопии» с латинского оригинала появился только в 1935 году — через 400 лет после гибели ее автора. Переводчик А. И. Малеин великолепно знал язык, относился к тексту в высшей степени уважительно, не допускал отступлений от оригинала. Но в переводе А. И. Малеина книга Т. Мора оказалась написанной очень ровно, лексика ее зачастую была русской лексикой тридцатых годов. Заботясь об удобочитаемости своего перевода, А. И. Малеин стремился «преодолеть огромные периоды оригинала»; при этом, однако, утрачивалась свойственная иногда Т. Мору тяжеловатость синтаксиса, и текст «Утопии» несколько «улучшался»³.

Перевод такого памятника латинской литературы, как книга Т. Мора, задача нелегкая. Она становится намного легче, если существует хорошее, надежное издание оригинального текста. В 1965 году Йельский университет опубликовал комментированное двуязычное издание «Утопии»: латинский текст и английский перевод⁴. Это лучшее из всех существующих изданий, в нем учтены накопившиеся за века текстологические исследования. Русский перевод 1978 года выполнялся по этому изданию.

Во времена Т. Мора латынь была языком всего сколько-нибудь образованного европейского общества, языком церкви, дипломатии, школьного и университетского пре-

¹ Там же, с. 383. Интересно, что Котэ, в свою очередь, переводил с французского текста, который появился в результате перевода с английского языка, а не с латинского.

² Там же, с. 382.

³ В последующих переизданиях отмечалось, что перевод «снова пересмотрен и сверен с латинским оригиналом». Это преувеличение. Во всех изданиях перевод А. И. Малеина совершенно тождествен. Даже опечатки — и те одинаковые. Например, «...я взял с собою на корабль вместо п о в а р о в порядочную кипу книг» (изд. 1953 г., с. 164). У Т. Мора речь идет, конечно, не о «поварах», а о «товарах».

⁴ The Yale Edition of Complete Works of St. Thomas More, v. 4, Utopia, ed. by Edw. Surtz and J. H. Nexter. New Haven and London, 1965.

подавания. Если считать, что язык жив, пока на нем говорит народ, то латынь эпохи Возрождения — язык мертвый. Если признать, что язык жив до тех пор, пока в нем происходят изменения, появляются неологизмы, заимствования, если меняется значение слов, то латинский язык того времени — живой язык. Для Т. Мора, человека чрезвычайно деятельного и очень образованного, латынь и была таким живым языком.

Известно, что гуманисты эпохи Возрождения стремились подражать классическим образцам, боролись за чистоту латинской речи, всячески старались оберегать латинский язык от изменений, которые они считали порчей, ревностно предостерегали от ошибок, яростно нападали на тех, кто такие ошибки допускал, высмеивали их. Такого рода нападки коснулись не только «темных людей», их не избежал и Т. Мор. После появления «Утопии» гуманист Бриксий обвинил Т. Мора в «неправильном» употреблении наречий и возвратных местоимений, в увлечении варваризмами и солецизмами. Он мог бы также упрекнуть автора «Утопии» в том, сколь «неправильно» тот употребляет указательные местоимения, как их у него много, как похожи они у него на определенный артикль, который есть в его родном английском языке, но отсутствует в латыни. Конечно, по сравнению с классическими образцами язык Т. Мора небезупречен. В нем есть черты и доклассической, и поздней латыни. Но это живой и ясный язык.

В начале книги, в письме к гуманисту Петру Эгидию Т. Мор в предвидении нападков характеризовал свой язык как «некрасноречивый», «неотделанный». Эта характеристика — и своеобразная самозащита, и в то же время знак большой требовательности к себе. Друг Т. Мора, лучший латинист своего века, виднейший деятель Северного Возрождения, прославленный теолог и авторитетнейший филолог Эразм Роттердамский еще до выхода «Утопии», в 1512 году, писал, что в современной ему латыни вполне допустимы и архаизмы, и поэтизмы, и редкие, и просторечные слова — только бы они употреблялись к месту. Этим рекомендациям язык «Утопии» вполне соответствует. Вдобавок ко всему «Утопии» присуще очень важное свойство латинской художественной прозы — ритм. В связи с этим немалую роль в переводе играет выбор средств для соединения предложений. Союзы, союзные слова соединяют как члены предложения, так и отдельные предложения. Синтаксическая связь неразрывно сочетается с рит-

мической, поэтому союзы и союзные слова при переводе иногда можно опускать, заменять их паузой, памятуя об ораторской сути текста, о том, что он как бы предназначен для произнесения.

Текст «Утопии», как и многие другие сочинения того времени, насыщен скрытыми цитатами из античных и средневековых авторов, аллюзиями¹, перифразами. Роман Т. Мора («золотая книжечка») был рассчитан на соответствующую реакцию читателей, потому что в XVI веке образованный человек был способен ощутить в тексте то единодушие с каким-нибудь античным или современным автором, то полемику с ними, то пародию на них. Чтение превращалось в своеобразную беседу посвященных.

Сейчас, почти через 500 лет, даже если читатель в состоянии познакомиться с латинским оригиналом произведения, он, как правило, не знает трудов Платона, Аристотеля, Цицерона, не изучал их, не думал о них, и для сколько-нибудь адекватного понимания текста ему необходим всесторонний комментарий. При переводе, конечно, со всем этим следовало считаться². Поэтому перевод А. И. Малеина, который был снабжен, главным образом, историческим комментарием и комментарием реалий, невольно обеднял более глубокий текст Т. Мора. Новый перевод дает самые необходимые тексты, которые были важны для автора «Утопии». Кроме того, в новом издании впервые

¹ Известно, что название книги «Утопия» — это в некотором роде варваризм или неологизм, так как слово это вымышлено, образовано от греческого слова, обозначающего отрицание, и слова со значением «место» (οὐτοπος). Но это выдуманное слово напоминало реально существовавшее в греческом языке слово ἀγος =

странный, небывалый, непостижимый. Слово ἀγος употребляет Платон в «Тимее» для определения Атлантиды. Таким образом, в самом названии книги есть аллюзия, сближение Т. Мора с Платоном, острова Утопия — с Атлантидой. См. об этом Prevost A. L'Utopia comme genre littéraire (Moreana, 1971, No. 31—32, p. 161—168).

² Даже в русском переводе XVIII в. были некоторые пояснения вроде таких, например: «Гитлодей» — это «соплетатель сказок». Другое дело, что у комментатора (как, впрочем, и у переводчика) должна быть необходимая самодисциплина: так, рассуждения А. Г. Генкеля о разбойниках в Муромских и Брянских лесах или же о зубрах в Беловежской пуше (изд. 1923 г., с. 106), конечно, ни малейшего отношения к «Утопии» Томаса Мора не имеют. Это же можно сказать о некоторых других пояснениях А. Г. Генкеля (толкование слова «швейцар», с. 124; примечание об истории музыкальных инструментов, с. 138 и пр.).

переведены маргиналии, принадлежащие друзьям Т. Мора — Эразму Роттердамскому и Петру Эгидию. Эти маргиналии были просмотрены и одобрены самим Т. Мором в 3-м базельском издании «Утопии». Они, по-видимому, входили в авторский замысел и подчеркивали важность того или иного места в повествовании. Отдельные неточности прежних переводов, может быть, объясняются как раз отсутствием маргиналий, которые тут же, сразу комментируют ту или иную мысль текста. Так, например, в предпосылаемом «Утопии» письме Т. Мора П. Эгидию автор, стараясь выяснить подробности местоположения острова, пишет:

«Все это я делаю для того, чтобы в моем сочинении не было ничего неверного; пусть будет ошибка, но не хочу я, чтобы была там ложь; лучше быть честным, чем осторожным» (перевод А. Г. Генкеля).

«... Я приложу все старание к тому, чтобы в моей книге не было никакого обмана, но, с другой стороны, в сомнительных случаях я скорее скажу ложь, чем допущу ее, так как предпочитаю быть лучше честным человеком, чем благоразумным» (перевод А. И. Малеина).

В латинском оригинале из замечания на полях ясно, что для Т. Мора здесь было важно обратить внимание на различие между искренним заблуждением и намеренным обманом. Это его занимало как гуманиста, государственного деятеля, юриста, теолога:

«...Я буду очень стараться, чтобы в книге не было никакого обмана; если же возникнет какое-нибудь сомнение, то я скорее солгу из-за того, что обманулся, чем из-за того, что желал обмануть; ибо предпочитаю быть лучше человеком порядочным, чем хитрым» (перевод 1978 г.).

В латинском тексте здесь слова с близким звучанием: mendacium, mentiar.

Маргиналии же иногда помогают заметить то, что без них могло бы ускользнуть от внимания переводчика. Так, А. И. Малеин переводит речь невежественного монаха: «Я говорю, как должен, по добродушию». В латинском тексте здесь на полях заметка: «Видно, что монах по невежеству своему полагает, что слово «рвение» (у А. И. Малеина «усердие». — ЮК) женского рода, как и слово «ревность»¹. Монахи, плохо знавшие латинский язык,

¹ The Yale Edition., p. 84.

а греческого не знавшие вовсе, часто допускали такие ошибки. Т. Мор, подобно авторам «Писем темных людей», посмеивается над этим, чего в прежнем переводе не видно. В переводе 1978 года учтено маргинальное замечание: «...я говорю только как надобно — по доброй рвении».

«Утопия» почти 500 лет была предметом живейшего обсуждения самых разных специалистов, она затрагивает множество тем. В ней обсуждаются типы правления, отношения личности и общества, вопросы экономические, этические, соотношение материального и духовного, восприятие человеком чужого, не знакомого ему прежде уклада жизни и др. Всем этим темам в «Утопии» соответствуют разные стили, потому что «Утопия» не трактат, а своеобразный роман — воспоминание об увлекательном и поучительном путешествии, даже не о путешествии, а о странствии, скитании. Стилль разговорный, шуточный перемежается с сухим, описательным, или же стилль судебной речи со стиллем философской, богословской прозы. Вера в возможность как-то подействовать на людей силой слова, владение разными стиллями речи очень характерно для гуманистов, и Т. Мор здесь не был никаким исключением.

Стилль разговорный:

«...Стоило посмотреть, как петушились анемолийцы...».

«Воротившись домой, надобно, конечно, потолковать с женой, поболтать с детьми, поговорить со слугами. Все это я числю среди дел, потому что это надлежит делать (надлежит, если ты не хочешь быть чужим дому своему)».

Стилль законов:

«Если кто уйдет за границу по собственной воле, без разрешения правителя, то пойманного подвергают великому позору: его возвращают как беглого и жестоко карают. Отважившийся сделать это вторично становится рабом».

Стилль философский:

«...Никто не возвышается над участью рода человеческого настолько, чтобы природа пеклась о нем одном; она равно благоволит ко всем, объединенным общим видом...».

Стилль оригинала нередко помогают понять те же маргиналии. Если на полях стоит помета: «афоризм» или «пос-

ловица», то ясно, что и переводить следует с учетом этого указания¹. Если на полях написано: «удивительное высказывание!», то и в переводе это место должно обращать на себя внимание.

Книга — «образ мира, в слове явленный», а у Т. Мора многие слова намеренно загадочны, рассчитаны не на легкое восприятие, а на некоторое усилие, вознагражденное потом читательской догадкой. Топонимы и этнонимы по традиции не переводятся. Читатель XVI века, знающий латинский язык и хотя бы немного знакомый с греческим, замечал, что почти все эти названия у Т. Мора негативны: «Утопия» — «Не-место», «Нигденетия»²; «Анидр» — «Безводная река»; «Амаурот» — «Невидимый город»; «ахорейцы» — «народ без страны»; «Адем» — «Без народа». В наше время читатель узнает это из комментария. При том, что многие толкуют «Утопию» как своеобразное похвальное слово наилучшему государственному устройству, эта негативность наименований не должна исчезнуть из поля зрения внимательного читателя.

Современные исследователи особо отмечают и то, что Т. Мор в «Утопии» часто употребляет не прямые отрицания, а литоты³, т. е. утверждение, выраженное с помощью отрицания противоположного понятия. Простым примером литоты может служить строка А. С. Пушкина:

Не дорого ценю я громкие права
(Из Пиндемонти)

Здесь «не дорого» стоит вместо «дешево».

В прежних переводах (английских, немецких, французских) эта особенность стиля Т. Мора не учитывалась. В переводах на русский язык вместо слов: «имел не малого значения тяжбу» писалось: «имел значительное столкновение» (А. Г. Генкель); вместо: «Моряки были весьма неплохо знакомы с морем и погодой» — «матросы знали толк в

¹ Некоторые маргиналии сами по себе афористичны: «Смысл свободы в том, чтобы ничего не свершать по принуждению»; «Еще и теперь наукам посвящают себя чурбаны и дубины...»; «Не надобно запрещать удовольствия, от которых нет вреда...» и др.

² Первоначально Т. Мор хотел назвать книгу латинским словом «Nusquam», что значит в переводе «нигде», «никуда», «ни к чему», «никоим образом».

³ См. об этом интересную работу: M c S u t c h e o n E. More's use of the litotes in «Utopia» (Moreana, 1971, No. 31—32, p. 107—122).

море и погоде» (А. Г. Генкель). Литоты делают текст менее определенным, более многозначным. Открытость же стиля соответствует и форме диалога (пусть даже многого), которую избрал Т. Мор. Поэтому, несмотря на то что литота не была редкостью в стилистике того времени¹, если нет какого-нибудь специального несовпадения традиций языка, на который переводят, и языка оригинала, то лучше, конечно, не давать своего толкования, а сохранять литоты и предоставить их понимание читателю. Хотя вообще-то перевод — это неизбежно толкование, и применительно к «Утопии» вопросы толкования возникают очень часто.

Как переводить *bonae litterae*? Обычно переводят словом «литература». Но Т. Мор и гуманисты эпохи Возрождения не были только литераторами, т. е. не занимались литературой в нашем понимании этого слова. Круг их интересов был шире, *bonae litterae* — это все, что относится к духовной культуре. Поэтому в новом переводе *bonae litterae* передаются несколько непривычно, неожиданно — «благородные науки».

Как переводить слово *princeps*? Т. Мор употребляет его неоднократно. В прежних переводах *princeps* истолковывали по-разному: «король», «князь», «государь», «президент»... Существуют специальные работы, обсуждающие этот вопрос, советуют даже оставить это слово без перевода и транслитерировать его, вроде того, как это делается с другими словами латинского происхождения: «консул», «проконсул», «претор»...² В переводе 1978 года *princeps* — это «правитель», потому что так называется в русских переводах глава государства у Платона — философа, который для Т. Мора имел чрезвычайно важное значение.

Как переводить слово *familia*? Это — «семья», это — «чада и домочадцы», это — «семейство». В «Утопии» же это — «хозяйство». И *pater materque familias*, соответственно, не «отец и мать семейства», а «хозяин и хозяйка», так как в «Утопии» эти слова не предполагают мысли о кровном родстве; там речь идет о власти старших по возрасту, об их праве распоряжаться.

¹ У Эразма Роттердамского «Похвальное слово глупости» начинается фразой, содержащей литоту «*neque enim sum pescia...*», которая в переводе утрачена, «мне ведомо», а не «я не пребываю в неведении».

² Б а н т ы ш П. К. Высшие органы власти в «Утопии» Томаса Мора. — Проблемы правоведения, вып. 36. Киев, 1977.

Как переводить слово *discumbentes*? Это — «возлежащие за столом». Но утопийцы ели сидя. Возлежали за столом древние римляне, на языке которых Т. Мор писал. Значит, *discumbentes* — «сотрапезники».

Nutrices — «кормилицы». Но речь идет о женщинах, которые кормят своих собственных детей, о кормящих матерях. Кормилицы же попали в текст «Утопии» из «Государства» Платона, где матери не должны были знать родных детей, а дети не должны были знать своих родителей. В переводе остается слово «кормилицы», и это место объясняется в комментарии.

В свое время Е. В. Тарле упрекали за то, что в своем переводе «Утопии» он написал об утопийцах: «Не заняты они исследованием вторичных идей» (с. 76). В 3-м базельском издании рядом с этими словами стояло на полях замечание: «В этом месте, по-видимому, есть скрытая насмешка»¹. В чем же эта насмешка? Над чем смеется Т. Мор? В тексте Т. Мора нет никаких «вторичных идей». Есть *secundae intentiae* — термин логики «вторые устремления». «Первые устремления» различают предметы в отдельности, «вторые устремления» («вторые интенции») рассматривают и роды предметов. Т. Мор здесь специально употребляет термин, иронически относясь к поздней схоластике, которой была свойственна рационалистическая систематизация. Томас Мор и Эразм Роттердамский отождествляли эту систематизацию с псевдорационализмом и книжным доктринерством, оценивая схоластику только отрицательно. Нельзя сказать, что их высмеивание было целиком справедливо, но к переводу эта сторона дела отношения не имеет.

Для Т. Мора, как и вообще для гуманистов Северного Возрождения, были очень важны вопросы веры и благочестия. Здесь переводчику надо знать не только, каковы воззрения Т. Мора на религию в «Утопии», но и то, какая лексика была в это время в ходу в подобном контексте у других авторов. *Anathema*, *elemosyna*, *martyr*, *baptisma*, *character*, *episcopus*, *basis* и прочие грецизмы в текстах этой эпохи попадают то и дело. Но Т. Мор в рассказе о религиозных верованиях утопийцев не употребляет слова *baptisma* — «крещение», а заменяет его другими словами (*Lympha sacra sunt abluti, ablutus*)². По существу,

¹ The Yale Edition, p. 158.

² Ibid., p. 218.

эти слова и обозначают обряд крещения. И переводчики писали: «Были освящены святой водой крещения...», «крестившись» (А. Г. Генкель); «лицо, принявшее крещение» (А. И. Маленин). Но Т. Мору, по-видимому, слово «крещение» очень дорого; при всем своем расположении к утопийцам применительно к ним он не употребляет этого слова, а заменяет его и пишет: «Омылись святой водой...» Подобных примеров можно было бы привести гораздо больше¹.

Не совпадающие в разных языках ассоциативные ряды делают трудным перевод даже самых простых современных текстов. При переводе же древнего или старинного произведения эта задача становится еще сложнее. Комментарии в таких случаях просто необходимы. Без них даже внимательный читатель не в состоянии уразуметь уже истолкованный переводчиком текст.

Г. В. Шатков
(Москва)

СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТЕКСТА ПРИ ПЕРЕВОДЕ

Почти все современные исследователи перевода подчеркивают большое значение смыслового и стилистического анализа подлинника для его эквивалентной передачи на иностранном языке. Так, В. Н. Комиссаров справедливо указывает, что акт перевода может полностью осуществиться лишь при условии «извлечения» из переводимого текста содержащейся в нем «цели коммуникации»². По мнению А. Д. Швейцера, экспрессивные, металингвистические и другие функциональные характеристики переводимого текста являются одним из «фильтров», определяющих предпочтительное использование того или иного способа преобразования высказывания, — другим важным «фильтром», ограничивающим диапазон языковых средств, используемых в тексте конечного сообщения, являются «жанрово-стилистические особенности переводимого мате-

¹ Обратить внимание на некоторые лексические особенности языка «Утопии» мне помогла приложенная к Йельскому изданию статья о словаре романа.

² Комиссаров В. Н. Слово о переводе. М., Междунар. отношения, 1973, с. 152.

риала»¹. Сходную итоговую мысль высказывает Я. И. Рецкер: «При письменном переводе предварительное прочтение и анализ переводимого текста позволяют заранее определить характер содержания, идейную установку и стилистические особенности материала, чтобы иметь критерий для выбора языковых средств в процессе перевода»².

Умение анализировать содержание и форму оригинального текста в их взаимосвязи имеет первостепенное значение прежде всего для художественного перевода и в известной мере для перевода публицистики. Чтобы представить себе проблемы, с которыми сталкиваются переводчики художественных произведений в процессе своей работы, сравним и затем оценим два перевода на русский язык начального абзаца одного из известных норвежских романов — ранний перевод и поздний. Для удобства сравнения расположим предложения абзаца друг против друга.

Ранний перевод³

В прошлом году, в середине лета, один маленький норвежский приморский городок сделался театром некоторых, в высшей степени необычайных событий.

В городе вдруг вынырнул незнакомец, некий Нагель, замечательный и оригинальный шарлатан, натворивший массу самых удивительных поступков и затем исчезнувший так же неожиданно, как он появился.

К этому человеку приходила также какая-то

Поздний перевод⁴

Весьма загадочные события произошли прошлым летом в маленьком норвежском городке на побережье.

Неожиданно для всех там появился какой-то странный тип, некто Нагель, натворил невесть что и исчез так же внезапно, как и прибыл.

Однажды к нему даже приехала таинственная

¹ Швейцер А. Д. Перевод и лингвистика. М., Воениздат, 1973, с. 266.

² Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика. М., Междунар. отношения, 1974, с. 8.

³ Гамсун К. Мистерии. Л., ГИХЛ, 1935 (пер. М. П. Благовещенской).

⁴ Гамсун К. Избранные произведения. В 2-х т. Т. 1. М., Худож. лит., 1970 (пер. Л. Лунгиной).

молодая и таинственная дама. Бог ее знает, по каким делам она к нему являлась, но она не могла провести здесь более двух — трех часов и снова уехала.

Но все это не начало...

молодая дама, одному богу известно зачем, и уехала спустя несколько часов, не решаясь, видимо, дальше задерживаться.

Впрочем, все началось не с этого...

При чтении этих отрывков сразу же бросается в глаза большое различие в них количества русских слов, использованных для передачи одного и того же содержания: в раннем переводе 82 слова, в позднем — 61. С этим различием связано другое: ранний перевод тяготеет к книжному литературному языку, а поздний — к письменной форме разговорной речи.

Как известно, разговорная речь противопоставлена книжно-литературной по условиям своего функционирования (неподготовленность речевого акта, его непринужденность, неофициальность, непосредственное участие в нем говорящих)¹, по использованию внеязыковых факторов (мимика, жесты и др.), а также внелексических средств (интонация — фразовое и эмфатическое ударение, паузы, темп и ритм речи и т. д.) и, наконец, по характеру отбора и организации лексических и грамматических единиц (обиходно-бытовая лексика и фразеология, эмоционально-экспрессивные слова, междометия, различные вводные слова, эллиптические и неполные предложения, слова-обращения, слова-предложения, вставочные конструкции, ослабление и нарушение связи между частями предложения, присоединительные конструкции, прономинальная и адвербиальная форма связи между предложениями, преобладание в рассказе «глагольной» образительности и мн. др.). Некоторые из перечисленных здесь признаков разговорной речи более ярко выражены в позднем переводе, что видно из дальнейшего сопоставления интересующих нас отрывков.

В раннем переводе смысл первого предложения вводится через сложную именную часть сказуемого: «городок сделался театром некоторых, в высшей степени необычайных событий», сама сложная структура предложения (сказуемое, выраженное возвратным глаголом и составной имен-

¹ См.: Русская разговорная речь. М., Наука, 1973, с. 9.

ной частью, к которой относятся несогласованные и согласованные определения) сразу вводит нас в кодифицированную, книжно-упорядоченную речь. Иной строй предложения обнаруживается в позднем переводе: здесь смысл передается с помощью разговорного средства — интонации, ибо он выражен не сказуемым, а группой подлежащего, стоящей на первом месте: «Весьма загадочные события...», тогда как сказуемое выражено активным непрерывным глаголом «произошли». Что касается группы обстоятельства времени, то она в новом переводе оказалась свернутой до предела: вместо старого варианта «в прошлом году, в середине лета» в позднем переводе мы находим просто «прошлым летом».

Во втором предложении раннего перевода смысловой центр выражен словами группы подлежащего «незнакомец, некий Нагель, ...шарлатан», к нему относятся определения «натворивший», «исчезнувший», которые дают скорее статическую квалификацию, чем динамическое изображение. В позднем переводе вместо книжных выражений «незнакомец, ...замечательный и оригинальный шарлатан» взято разговорное словосочетание «какой-то странный тип», а вместо определений-причастий взяты глаголы «натворил» и «исчез». Группа прямого дополнения в старом и новом переводах имеет аналогичные стилистические различия: в первом после «натворивший» идет книжное «массу самых удивительных поступков», а во втором после «натворил» идет более краткое разговорное словосочетание «невесть что».

Не похожи друг на друга третьи предложения в сопоставляемых переводах: третьему предложению нового перевода (и подлинника) соответствуют два самостоятельных предложения в старом переводе. Мысль о неизвестной причине появления «таинственной дамы» выражена в раннем переводе посредством самостоятельного сложноподчиненного предложения, отличающегося книжной развернутостью, а в позднем переводе эта мысль выступает в виде эллиптической вставной конструкции, типичной для разговорной речи (ср.: «Бог ее знает, по каким делам она к нему являлась» и «...приехала...дама, одному богу известно зачем, и уехала...»).

Последнее предложение в раннем переводе имеет именное сказуемое («Но все это не начало...»), а в позднем — глагольное («Впрочем, все началось не с этого...»). В двух последних предложениях нового перевода употребляются

характерные для разговорной речи вводные слова «видимо», «впрочем».

Более разговорной по сравнению со старым переводом выглядит и связь предложений в позднем переводе. Если в старом начальное и последующее, а также второе и третье предложения связаны вариативным повтором существительных «городок» — «в городе», «Нагель» — «к этому человеку», то в новом переводе словосочетанию из начального предложения «в...городке» соответствует во втором предложении наречное обстоятельство «там», а имени «Нагель» соответствует в третьем предложении предложно-местоименное сочетание «к нему».

Сравниваемые отрывки представляют собой тип краткого авторского введения к роману, дающего общую характеристику времени, места, событий и главного героя произведения. Уже такое введение более или менее непосредственно связано с целым и выражает идейный замысел писателя. Тем большую значимость приобретают расхождения в семантике слов, отобранных переводчиками для раскрытия тематических компонентов. Так, в раннем переводе события, которым предстоит развернуться в произведении, названы «необычайными», а в позднем — «загадочными», герой романа Нагель в первом случае назван «замечательным и оригинальным шарлатаном», а во втором — «странным типом», дама, посетившая Нагеля, характеризуется, соответственно, союзным сочетанием определений «молодая и таинственная» и более компактным словосочетанием «таинственная молодая». Уже эти примеры позволяют предположить, что в позднем переводе характеристика изображаемого сознательно выделяет моменты непознанного и даже «непознаваемого».

Усиление «разговорности» в новом переводе по сравнению со старым заметно также при передаче прямой речи и внутреннего монолога действующих лиц. Так, в разговоре с Нагелем (с. 21 и 211 упомянутых выше изданий) Минутка употребляет следующие, приводимые здесь в сопоставлении, выражения:

...я очень нуждаюсь в этих десяти эре и не имею возможности раздобыть их иным способом.

— А на что вам нужны деньги?

...мне позарез нужны десять эре и я не могу их достать другим путем.

— А на что вам деньги?

— Мало ли на что мне нужны деньги?

Но я и сам немного зарабатываю на свое содержание...

Ту же тенденцию позднего перевода к разговорной эллиптичности и просторечию можно найти в передаче внутреннего монолога Нагеля (гл. 4 упоминавшихся изданий):

...три телеграфных документа величайшей ценности... Ай-ай, что за остроумная выдумка! (с. 40).

Вам вовсе незачем стесняться: меня это ничуть не касается... (с. 42).

Примеры подобного рода могут быть умножены, однако для доказательства выдвинутого нами тезиса о более разговорном характере нового перевода достаточно и тех, что приведены выше. Ряд дополнительных примеров подтверждают также наше предположение о сознательном отборе в новом переводе таких характеристик героя и его поступков, которые подчеркивают их непознанность. В сцене игры на скрипке во время благотворительного базара (гл. 16) Нагель производит на окружающих «таинственное» и «загадочное» впечатление, его внешность «необычная» и «странная», он кажется «чародеем» и «сказочным существом» (соответственно, ранний перевод — с. 242 и поздний — с. 410). На первом месте по числу употреблений прилагательных с семантикой непознанности стоит прилагательное «странный».

Рассмотрев все эти стилистические и семантические различия, исследователь должен будет, очевидно, ответить на вопрос: какой из двух переводов более эквивалентен подлиннику? Ответ на него может быть получен только в результате стилистического и смыслового анализа оригинального текста. Обратимся сначала к первому абзацу романа:

Ifjor midt på sommeren blev en liten norsk kystby skueplassen for nogen høist usædvanlige begivenheter. Det dukket op en fremmed i byen, en viss Nagel, en mærkelig og eiendommelig charlatan som gjorde en masse påfaldende ting og som forsvandt igjen like så pludselig som han var

— Как на что? На многое.

Да я и сам вношу кое-что в дом...

...три важнейшие телеграммы... Все это курам на смех! (с. 226).

И нечего со мной миндальничать. Мне на это наплевать... (с. 228).

kommet. Denne mand fik endog besøk av en ung og hemmelighetsfull dame som kom i Gud vet hvilket ærend og ikke torde være på stedet mere end i et par timer før hun reiste sin vei. Men alt dette er ikke begynnelsen... (Hamsun Knut. Samlede verker. Bd. 1, Oslo, 1954, s. 143)

С точки зрения формальной точности ранний перевод ближе к подлиннику прежде всего по числу слов и по их порядку в предложениях (см., напр., первое и четвертое предложения; второе предложение, сохраняя в целом строй оригинала, передает придаточные определительные причастными оборотами, а третье разбивается на два самостоятельных). Однако превращение во втором предложении глаголов «натворил» и «исчез» в соответствующие им причастия, создание сложных, сугубо книжных словосочетаний вроде «сделался театром некоторых, в высшей степени необычайных событий» или «Бог ее знает, по каким делам она к нему являлась», а также в особенности перевод ключевых слов, характеризующих события и главного героя («замечательный» вместо «странный», «оригинальный» вместо «чудной»), — все это свидетельствует о некотором отступлении раннего перевода от стиля и смысла подлинника.

Формально неточным предстает перед читателями новый перевод: в нем значительно меньше слов, чем в оригинале, и входящие в него предложения резко отличаются по своему строю от норвежских (первое предложение инвертировано, второе превращено из сложноподчиненного в простое распространенное с однородными глагольными сказуемыми, третье также преобразовано из сложноподчиненного предложения в простое распространенное с однородными глагольными сказуемыми, вставочной эллиптической конструкцией, вводным словом и деепричастным оборотом, последнее предложение вместо именного сказуемого получило глагольное). Однако, как было указано выше, именно эти трансформации, при всей их произвольности, сознательно направлены на имитацию разговорной речи. Подобная же направленность в сочетании с отбором слов, подчеркивающих загадочность главного героя и его судьбы, делает новый перевод более близким подлиннику по общему смыслу.

Признаки разговорности легко обнаруживаются в оригинальном отрывке: в нем преобладает глагольное изобра-

жение, встречаются весьма типичные бытовые обороты вроде Gud vet (бог весть), en masse... ting (масса...вещей), et par timer (пара часов — некоторое время), reise sin vei (уехать восвояси). Последние три выражения включают слова с общим, «местоименным» значением, передающим чисто разговорный синкретизм содержания, непринужденную неточность его выражения (masse, ting, et par, sin vei). К этим и другим подобным примерам из романа можно добавить детали, подтверждающие имитацию спонтанности, неподготовленности речи. В приведенном выше норвежском абзаце конечная фраза («Но все это не начало...») указывает на «стихийные» скачки авторской мысли: рассказчик, начав повествование с интригующего представления главного действующего лица, вдруг прерывает себя, как это бывает при разговоре, и предлагает иное начало.

Разговорная окраска авторской речи находит вполне сознательное, принципиальное обоснование в ряде выступлений Гамсуна в начале 90-х годов XIX века. В романе «Голод» (1890) писатель изображает творческий процесс как порыв вдохновения, связанный с игрой фантазии.

«Наутро я проснулся рано. Когда я открыл глаза, было еще совсем темно, и лишь через некоторое время я услышал, как внизу пробило пять. Я хотел уснуть снова, но сон не приходил, я не мог даже задремать, тысячи мыслей лезли в голову.

Вдруг мне пришло на ум несколько хороших фраз, годных для очерка или фельетона, — прекрасная словесная находка, какой мне еще никогда не удавалось сделать... Вскоре за ними следуют другие, я вдруг совершенно просыпаюсь, встаю, хватаю бумагу и карандаш со стола... Во мне как будто родник забил, одно слово влечет за собой другое, они связно ложатся на бумагу, возникает сюжет, сменяются эпизоды, в голове у меня мелькают реплики и события... Как одержимый исписываю я страницу за страницей, не отрывая карандаша от бумаги... Я полон всем этим, весь захвачен темой, и всякое слово, написанное мною, словно изливается само по себе...

Мои фантазии облечены удивительной, плотной дымкой, сотканной из света и красок...»¹.

¹ Г а м с у н К. Избранные произведения, т. 1, с. 65.

Еще в начале нашего века норвежские критики отмечали, что искусство Гамсуна это искусство живого слова, что гибкость его стиля создает впечатление подвижной устной речи. Современный исследователь творчества Гамсуна Улаф Эйслебё указывает, что ранним произведениям писателя присущ «свободный и часто аффектированный разговорный язык», который отличается изобилием словесных гипербол, усилительных слов, интригующих определений, оригинальных неологизмов¹. И все же не следует, очевидно, преувеличивать роль стихийности в творчестве Гамсуна: писатель умел сознательно имитировать эту стихийность, исходя из определенных мировоззренческих постулатов.

В ранних статьях о литературе Гамсун нападает на реализм и реалистов, в частности на Золя, и утверждает, что главное в словесном искусстве — не отражение действительности в ситуациях, раскрывающих социальные типы и характеры, а выражение произвольных, причудливых настроений автора и действующих лиц. Противопоставляя художественному обобщению, основанному на познании реального мира, воспроизведение индивидуального, неповторимого, незакономерного, Гамсун открыто проповедовал загадочность, таинственность и непознаваемость жизни и полный субъективизм творчества. В одной из статей, написанных до завершения работы над «Мистериями», он заявлял:

«Писатель это не обычный, заурядный человек, каким он неизбежно бывает, когда мыслит объективно, писатель это отдельный индивид, воплощенная субъективность, которая смотрит на окружающее своими собственными глазами и чувствует своим собственным сердцем, и крупнейшие писатели мира становились великими не тогда, когда они создавали объективные произведения, а когда сочиняли прекрасные, взволнованные и пристрастные поэмы. Я буду изображать людей так, как я ощущаю их, а не так, как предписывает и приказывает позитивизм; я заставлю моего героя смеяться там, где разумные люди считают необходимым плакать. Почему я хочу этого? Во-первых, потому, что я так, субъективно, ощущаю своего героя, а затем

¹ См.: Ø y s l e b ø Olaf. Hamsun gjennom stilen. Oslo, 1964, s. 130.

потому, что мой герой — не характер и не тип, который смеется и плачет согласно научным предписаниям, но сложный современный человек, мысли и чувства которого делают произвольные скачки»¹.

Именно таким «современным» человеком и является герой романа «Мистерии» Нагель, который, кстати сказать, заканчивает свою жизнь по собственному произволу — скачком в море. Он лицо без определенных занятий, без стержня в жизни, и потому находится во власти внешних обстоятельств и субъективных, случайных прихотей и настроений. В его душе есть тяга к добру, к филантропическим жестам, которые, как и его критические высказывания о науке, идеологии, об известных политиках и писателях, делают его в глазах разумных обывателей «странным» и «загадочным». Но главным содержанием жизни становится для него внезапная любовь к чужой невесте, и это неразделенное чувство приводит его к роковому шагу, который также остается загадкой для большинства жителей маленького приморского городка.

Таким образом, из ряда письменных высказываний, которые составляют роман и воспроизводят в нем серию эпизодов, изображающих отношение Нагеля к окружению и влияние этого окружения на чувства, мысли и поведение героя, мы получаем возможность сделать вывод об односторонней, субъективистской жизненной философии автора. Советский исследователь творчества норвежского писателя высказывался о ней так: «Мистерии» показали, что сам Гамсун, столкнувшись со сложнейшими конфликтами духовной жизни переходного времени, останавливался перед ними как перед величайшей загадкой»². И действительно, для Гамсуна человеческое существование есть тайна, чужая душа — потемки, любовь к женщине — чудо, удивительная, непостижимая и иногда опасная сила. Об этой идее ясно говорит и название романа — «Мистерии», т. е. чудеса, странные явления. Роман по существу утверждает подчинение человека своим подсознательным, биологическим по происхождению страстям и влечениям.

Приведенные выше соображения о стиле писателя, которые подтверждаются его высказываниями о разговорной

¹ H a m s u n Knut. Paa Turné. Tre foredrag om litteratur. Oslo, 1960, s. 52. (Пер. автора статьи.)

² С у ч к о в Б. Вступительная статья. — В кн.: Г а м с у н К. Избранные произведения. В 2-х т. Т. 1. М., 1970, с. 17.

стихийности литературного творчества, разбор содержания романа, подкрепляемый прямыми авторскими суждениями о безграничной таинственной власти над человеком его собственного подсознания, позволяют нам решить вопрос о том, какой из переводов правильнее передает глубокий смысл начального фрагмента произведения. При всех своих вольностях, отступлениях от формальной точности, ближе к подлиннику в смысловом и стилистическом плане будет, очевидно, поздний перевод, ибо именно он более последовательно выдержан в стиле спонтанной, непринужденной речи, присущей автору в целом, и именно в нем найдены слова, характеризующие события и героя в большем соответствии с общей идеей романа и с философской позицией автора, которую он занимал в 90-е годы прошлого века.

Т. Р. Левицкая, А. М. Фитерман

(Москва)

КОМПРЕССИЯ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ И ЕЕ ПЕРЕДАЧА В ПЕРЕВОДЕ

Вопрос компрессии и «экономии» в языке, другими словами сжатости выражения, неизбежно встает при переводе как с английского языка на русский, так и с русского на английский. Можно сказать, что в английском языке компрессия ярко выражена на различных уровнях. Она сильно ощущается в грамматическом строе, в словообразовании и в употреблении лексических единиц. Таким образом, компрессию можно рассматривать как характерное для английского языка явление, особенно проявляющееся при сопоставлении данных двух языков.

В настоящей статье авторы пытаются обрисовать способы создания компрессии на вышеуказанных уровнях именно потому, что такая сжатость выражения представляет большие трудности при переводе на русский язык, требуя декомпрессии.

В грамматическом плане, как известно, особую роль играют отглагольные формы: инфинитив, причастие, герундий, т. е. те их структуры, которые не имеют эквивалентов в русском языке. Здесь имеются в виду в первую очередь комплексы — трехчленные глагольные конструкции, т. е. инфинитив в функции вторичного сказуемого (Nominative plus Infinitive), инфинитивный оборот с for-phrase, инфинитив последующего действия, инфинитив в атрибутивной функции, все виды абсолютных (независимых) номинативных конструкций, как причастных, так и беспричастных, а также герундиальные комплексы.

Инфинитив в функции вторичного сказуемого¹ особенно часто употребляется в газетном стиле. Это вызвано двумя

¹ Авторы пользуются терминологией. Л. Бархударова и Д. Штелинга. (См.: Бархударов Л. С., Штелинг Д. А. Грамматика английского языка. М., Высшая школа, 1965, с. 308—309).

причинами: во-первых, такая конструкция дает возможность газете избежать указания на источник информации, таким образом, снять с себя ответственность за ее достоверность; во-вторых, благодаря сжатости данной конструкции, добиться экономии места, что является важным фактором, объясняющим ее широкую употребительность.

More than thirty cars are said to have been stranded twelve hours in snow drifts. (Morning Star)

Обычно этот комплекс переводится придаточным предложением.

Как сообщают, свыше тридцати автомашин застряли в пути на двенадцать часов из-за снежных заносов.

В структуре «глагольно-именное сказуемое с глаголами *to seem, to appear*, выполняющими функцию связки» инфинитив переводится глаголом в личной форме, а «связочные» глаголы вводными модальными словами: *очевидно, по-видимому, кажется.*

Against all the odds Chris Bonington's team has climbed the South-West face of Everest. No period of good weather seems to have been wasted. (The Guardian)

Несмотря на все трудности, группа, возглавляемая Крисом Бонингтоном, совершила восхождение по юго-западному склону Эвереста. *Очевидно, они не упустили ни одного дня хорошей погоды.*

Декомпрессия также требуется при переводе трехчленных конструкций с объективно-предикативным членом (Accusative with the Infinitive).

Bulgarians would much prefer the West to buy some of the more recent manifestations of their national achievement: they want to export more machine tools, canned foods, and wine. (The Guardian)

Болгария предпочла бы, чтобы *западные страны покупали* больше товаров, производством которых она так гордится в последнее время: станки, консервы и вина.

Декомпрессия осуществляется переводом трехчленного комплекса придаточным предложением.

Широкое употребление имеет также инфинитивный комплекс с предлогом *for* (*for-phrase*), который развертывается в переводе.

It is not a crying bock, but the interest is very strong, especially for Mr. Darcy. Enough people shared this opinion *for the first edition to be sold* by July. (Margharita Laski)

Это не эффектная книга, но она вызывает большой интерес, особенно нравится мистер Дарси. Много людей придерживались такого мнения, и *первое издание было распродано* к июлю.

Также требует перевода сочиненным предложением с глаголом в личной форме инфинитив последующего действия.

...the door was flung open *to reveal* a woman in a great hat and white gloves. (Gore Vidal)

Дверь распахнулась, и *они увидели* женщину в огромной шляпе и белых перчатках.

Чаще всего в этой модели встречаются глагол to find и его синонимы: to reveal, to see, to discover, хотя не исключены и другие глаголы.

These cliffs formed, at their bases, delectable valleys that probed inland half a mile *to end* in soaring walls of granite... (J. A. Mitchener)

У оснований этих скал были прелестные долины, которые примерно на полмили уходили вглубь острова и *завершались* отвесной гранитной стеной.

Употребление инфинитива в адъективных сочетаниях тоже является одним из характерных средств компрессии. Инфинитив может быть в форме как действительного, так и страдательного залога.

There was an old saying in the socialist movement that «The only class in Britain never *to lose* an election is the ruling class». (Labour Monthly)

Среди британских социалистов всегда была в ходу старая поговорка: «Единственный класс Великобритании, *который никогда не терпел поражения* на выборах — это правящий класс».

Компрессия также создается абсолютной (независимой) номинативной конструкцией, как причастной, так и беспричастной. Естественно, что в переводе имеет место декомпрессия.

The battle, in fact, has already been joined, *with guerilla armies of liberation waging* armed struggle against the colonial rulers in all parts of the region. (W. Pomeroy)

Вооруженная борьба фактически уже началась, *причем освободительные партизанские отряды ведут* военные действия против колониальных правителей во всех частях этого района.

Абсолютный причастный оборот передан развернутым предложением с глаголом в личной форме.

Britain's weather report for the next 30 days promises: "A good deal of dry, sunny weather, *with hotter weather* in North Wales, the North-West and West and North Scotland". (Morning Star)

Прогноз погоды на месяц обещает сухую, солнечную погоду, *причем* в Северном Уэльсе, на северо-западе и на западе и севере Шотландии *удержится более жаркая погода*.

Независимый беспричастный оборот переведен глаголом в личной форме.

Герундиальный комплекс тоже является одной из форм компрессии на грамматическом уровне и обычно требует декомпрессии в переводе.

He objected to *the ships leaving the port* in such a storm. (Morning Star)

Он возражал против того, *чтобы суда вышли* из порта в такую бурю.

Большой интерес представляет компрессия на лексико-грамматическом уровне, создаваемая каузативными оборотами, т. е. глаголами, одновременно реализующими два значения: действие и побуждение к действию. В них как бы происходит семантическое расщепление. Вторая сема появляется у этих глаголов в особой структуре — конструкции с объектно-предикативным членом. Это — морфологически и синтаксически оформленная модель. Она состоит из объекта и предложной группы, чаще всего с предлогами into или out of плюс существительное или герундий. Каузативные глаголы всегда бывают переходными, но эта переходность особого типа. У обычных переходных глаголов действие просто переходит на объект, а у каузативных глаголов оно не только переходит на объект, но

и побуждает его к действию. Сюда можно отнести также и так называемые трансгрессивные глаголы, которые побуждают объект перейти из одного состояния в другое. Семантическое расщепление обязательно требует передачи в переводе и естественно при этом происходит декомпрессия.

No one would have believed that a man of his reputation *could have been deceived into calling* it heart disease. (A. Christie)

Никто не поверил бы, что человек с такой репутацией *мог быть настолько введен в заблуждение, что поставил* диагноз — болезнь сердца.

Каузативный глагол с объектом, выраженным герундием, переведен придаточным предложением. Дополнительное эмфатическое значение передано введением дополнительного слова «настолько».

Однако гораздо чаще в этой модели употребляется не герундий, а существительное.

The command had come back into his voice and it surprised *her into immediate obedience*. (M. Allingham)

К ее удивлению в его голосе снова слышалось приказание, и *она немедленно повиновалась*.

При переводе потребовалась синтаксическая перестройка и замена частей речи.

Нередко и субъект, и объект трансгрессивных глаголов являются одним и тем же лицом, и объект часто выражен возвратным местоимением.

Sir Gareth... left *her to sulk herself* back into good humour. (G. Heyer)

Сэр Гарет... оставил ее одну, *чтобы она перестала дуться и пришла снова в хорошее настроение*.

В данном случае потребовался очень распространенный оборот при переводе.

Результат действия, выраженного каузативным глаголом, очень явственно выступает в следующем примере:

The owner, Sir Charles Fortherham, *has gambled himself into bankruptcy*. (R. Marshall)

Владелец (имения) сэр Чарльз Фортерхэм *азартной игрой довел себя до банкротства*.

Следует выделить одну определенную группу каузативных глаголов, а именно когда субъект или объект кауза-

ции являются абстрактными понятиями или неодушевленными предметами. В этих случаях обычно присутствует элемент метафоризации.

We could reassure ourselves that civilisations do not disappear unless they *bomb themselves out of existence*. (Washington Post)

Мы могли бы успокоить себя мыслью, что цивилизации не исчезают, *если только они не уничтожат себя атомными бомбами*.

Метафоризация каузативных и трансгрессивных глаголов часто является полным олицетворением.

...a large fire *lulled itself into red contentment* with flames that had hardly breath for an instant's flicker. (J. Hilton)

...большой огонь в камине *постепенно угасал, как бы убаюкивая себя* и, наконец, языки пламени, умиротворившись, превратились в груды красных углей, и только иногда по ним пробегали огоньки.

Особенно следует остановиться на компрессии, создаваемой так называемыми адвербиальными или двухсемными глаголами. По модели они близко подходят к каузативным глаголам и потому рассматриваются именно здесь. В них тоже одновременно реализуются обе семы, но связь между ними иная, не причинная, а обстоятельственная — вторая сема выражает образ действия или сопутствующие обстоятельства.

When the bombs struck, he *thundered out of bed* and ran into the yard. (G. M. Michener)

Когда стали падать бомбы, он соскочил с постели и *громко топая* выбежал во двор.

After that Gipsy Moth certainly was *crackling* along. (F. Chichester)

После этого яхта «Джипси Мот», *весело поскрипывая*, понеслась дальше.

Особенно интересен нижеследующий пример.

The ticking of the clock *bored away* the minutes. (P. Johnson)

Тиканье часов *тоскливо отсчитывало* минуты.

В этом примере выразительность адвербиального глагола усиливается образностью.

В первом примере (*he thundered out of bed*) сема движения создается предлогами. Во втором и третьем — наречиями.

Роль предлогов и предлого-наречий в английском языке очень велика. Сочетание глагола с предлого-наречием создает новое значение этого глагола (*to give* — *давать*; *to give up* — *отказываться*). В модели «глагол + предлог + объектно-предикативный член» в глаголе появляется дополнительная сема каузации (*The strikers were bullied into submission* — «Угрозы заставили забастовщиков подчиниться»). В сочетании некоторых глаголов с предлогом или наречием, обычно омонимичным предлогу, появляется дополнительная сема движения. (*The coach rattled into the open* — «Карета *громыхая* выехала на открытое место»). В этой же модели могут появляться и другие дополнительные значения, явно подразумеваемые. Это дает право говорить о семантическом эллипсе в такой модели, поскольку под эллипсом обычно понимается опущение слова, нужного для полноты структуры или значения. Например, в установившейся в языке модели *to help somebody into a coat; to wave somebody to the car* и т. п. предлог вводит предложное дополнение или обстоятельство места. В подобной эллиптической модели явно подразумевается второй глагол: *надеть* пальто, *подойти* к машине.

... *he handed her out of her carriage and into the office* as if she were a queen. (M. Mitchell)

Он помог ей выйти из экипажа и торжественно, словно королеву, *ввел* ее в контору.

В данном случае в переводе вставлен дополнительный глагол, необходимый для передачи содержания, имплицитного в сочетании *hand into*.

They ough through France and into Belgium.
(R. F. Kennedy)

Они с боями *прошли* через Францию и *вступили* в Бельгию.

И в этом случае нормы русского языка требуют введения второго глагола.

Еще сложнее восполнение эллипса при переводе следующего примера, в котором благодаря абсолютному употреблению предлогов существительные, обозначающие обстоятельства места, опущены.

The yawl of a cat *locked* either *out* or *in* came from downstairs. (D. Mackenzie)

Снизу доносилось отчаянное мяуканье кошки, которую либо заперли в *доме*, либо *выгнали на улицу* (во двор).

The pubs *emptied into* the coffee-bars.

Пабы опустели и *вся публика перешла в кофейные бары*.

Эллипс в этом предложном сочетании восполняется не только глаголом, но глаголом с субъектом, т. е. целым предложением. Структурно близким является и следующий вид эллипса — употребление глагола с двумя разными дополнениями и предлогами. Такой семантический эллипс лежит в основе стилистического приема зевгмы. Данная эллиптическая конструкция тоже часто требует передачи двумя глаголами.

He *put* the chessmen *away* and the cat *out* and locked the cottage. (D. Sayers)

Он *убрал* шахматы, *выпустил* кошку и запер дверь коттеджа.

Эллипс также имеет место в конструкции «глагол с разными предлогами, но с одним и тем же дополнением».

Further, there are Sunday newspapers which seem to us in the North to be written *about* and *for* a dozen or so of people who all live in London and know each other. (The Guardian)

Кроме того, многие воскресные газеты, как нам кажется, на севере Англии, *пишут для* немногих жителей Лондона, которые знают друг друга, и *сообщают о них* всякую всячину.

В переводе пришлось ввести синонимичный глагол из чисто стилистических соображений.

Особый вид эллипса создается постпозитивами.

In its half-yearly Economic Outlook, the OECD agrees with Mr. Healy that the recession is *bottoming out*. (The Guardian)

В своем полугодовом экономическом обзоре Организация экономического сотрудничества и развития согласна с Хили, что спад прошел свою самую низкую точку.

Компрессия ощутимо выступает в английских определениях различных типов. Здесь будут рассматриваться определения, образованные соположением, суффиксом —-ed и прилагательными.

Многозначная модель $N_1 + N_2$ содержит скрытую информацию, которую необходимо выявить при переводе. Эта информация заложена в контексте, а также в так называемых фоновых значениях (background knowledge). Благодаря наличию в языке возможности сжатого выражения через эту атрибутивную модель английскому читателю, очевидно, нетрудно восстановить имплицитный элемент информации, который подразумевается, но словесно не выражен. В переводе иногда можно ограничиться одним-двумя словами, а иногда приходится прибегать к разъяснительному переводу.

Pakistan is faced with the need to provide both rapid and effectife *disaster aid*. (Newsweek)

Пакистану необходимо срочно оказать эффективную помощь *пострадавшим от наводнения*.

Широкий контекст требует здесь конкретизации в переводе существительного *disaster* — *наводнение*.

Развертывания при помощи пояснительного перевода требует также сочетание *death vehicle* в нижеследующем примере.

“So far” the newspapers revealed “there are no firm leads as to the *death vehicle* or its driver”. (A. Hailey)

«До сих пор, — пишут газеты, — полиция еще не напала на верный след *машины, убившей девочку*, ни на ее водителя».

Разъяснительный перевод сделан на основе широкого контекста.

Скрытая информация, содержащаяся в сочетании *stone heat*, требует выявления путем пояснительного перевода.

The *stone heat* of the day had gentled down. (I. Shaw)

Нестерпимый жар, *который шел* весь день от *раскаленных камней*, уже спал.

В переводе сочетание *stone heat*, первый член которого образован конверсией, потребовало как семантического, так и синтаксического развертывания.

Рассмотрим еще один пример.

The Amazon was Nurse Darroll, who came from Gloucestershire and was homesick each *daffodil* season. (The Midget came from Lythom St. Anne's and there was no *daffodil nonsense* about her). (Josephine Tey)

Медсестра Даррел, похожая на амазонку, была родом из Глостершира и *каждую весну, когда цвели нарциссы*, она тосковала по родным местам. (Крошка приехала из Литом Сент Аннс, и *нарциссы не вызывали в ней никаких (глупых) сантиментов*).

Почти всегда требуют развертывания определения, образованные вторым причастием (не имеющие эквивалентов в русском языке), прилагательные, созданные по этой модели, а также составные определения, вторым элементом которых является данная модель. Например: *an attempted* coup — *попытка совершить* переворот; *their guessed, but unknown* perils — *неведомые* опасности, о которых они только *догадывались*.

The British Government and the British fishing industry want a *negotiated* solution. (The Guardian)

Британское правительство и английская рыболовная промышленность хотят решить *этот конфликт* (тресковую войну с Исландией) *путем переговоров*.

Для перевода сочетания *negotiated solution* потребовались и замены частей речи, и введение дополнительных слов.

Менее обычным является определение *towered* в следующем примере.

A three-quarter moon pale as china, in the fading sky, sailed over the *towered* office buildings. (I. Shaw)

Над *башнями* банков и контор в гаснущем небе плыла бледная, как фарфор, почти полная луна.

Сочетание *towered office buildings* потребовало развертывания и замены части речи, главным образом из-за сочетаемости.

Сложные прилагательные и сложные причастия нередко требуют развертывания при переводе.

As for Lady Susan, her *pursed-lip silence* was more eloquent than praise. (R. Marshall)

Что касается Леди Сьюзен, ее молчание и *поджатые губы* были красноречивее похвал.

В этом случае определение передано однородным членом.

They (the demonstrators) had run into a solid wall of *riot-equipped* Washington policemen. (C. Bernstein and B. Woodward)

Демонстранты натолкнулись на сплошную стену вашингтонских полицейских, *специально снаряженных для борьбы с уличными беспорядками*.

Оба элемента сложного слова потребовали развертывания и переведены причастным оборотом в постпозиции.

In the old days, rugs were thrown down by the roadside to mellow in the sun and dust, but now they are often "*antiquewashed*" by chemicals. (The Sunday Times)

В прежние времена ковры расстилали у дороги, чтобы солнце и пыль приглушили их краски. Теперь же их часто *обрабатывают химическими средствами, чтобы придать им вид старинных*.

В переводе пришлось разделить элементы сложного слова между двумя предложениями. Соответственно пришлось ввести дополнительные слова, чтобы сделать оба предложения синтаксически и семантически полными.

Декомпрессия нередко требуется при переводе прилагательных, которые обладают в английском языке очень широкой сочетаемостью. Часто употребление в различных стилях языка перенесенных прилагательных (необязательно эпитетов) для создания большей сжатости выражения. Следует также отметить, что смысловое содержание прилагательных бывает очень обширным.

Увеличение смысловой нагрузки происходит, очевидно, благодаря расширению границ сочетаемости. Этим также объясняется большая экспрессивность перенесенных прилагательных. Рассмотрим несколько примеров, иллюстрирующих вышесказанное.

These French found him lean and tight. In well-tailored clothes, elegant and dry, his good *Western* skin, pale eyes, strong nose, handsome mouth, and virile creases. (S. Bellow)

Худой и подтянутый, по мнению французов, он был в безупречном костюме, элегантен и сухощав; *гладкая, выхоленная кожа, типичная для американцев*, светлые глаза, крупный нос, красивый рот и мужественные складки вокруг него.

Сочетание *Western skin* содержит в себе очень много коннотаций и требует выявления заключенных в нем дополнительных значений.

Семантически содержательным является прилагательное *dismissive* в функции предикативного члена.

“So far as I know.”

Ryle was *dismissive* and brusque. (C. P. Snow)

«Насколько мне известно».

Ответ Райля был резким и *отрывистым*, и показывал, что он не желает продолжать разговор.

Одно из значений глагола *to dismiss (the subject)* — ‘отказаться продолжать обсуждение вопроса’. От этого значения образовано прилагательное *dismissive*, не имеющее эквивалента в русском языке. Такое употребление прилагательных тоже дает право говорить о наличии как бы семантического эллипса, что указывает на особый характер связи между компонентами.

Перенесенность прилагательных особенно ярко выступает в нижеприводимых примерах.

He could only take a long *painful* breath, with nothing to say. (H. E. Bates)

Он ничего не смог сказать, а только глубоко и *мучительно* вздохнул.

Markham was becoming annoyed at the man's *fluent* hypocrisy. (Van Dike)

Маркхэма начинала раздражать *бойкая и лицемерная* речь собеседника.

Часто такие перенесенные определения переходят в категорию эпитетов.

The thought of her *in her brave weariness* waiting for buses, traveling in the underground, deeply distressed him. (Howard Swiggett)

Он очень огорчился при мысли, что она стоит в очереди на автобус, ездит в метро, *устает, но мужественно все переносит*.

В перенесенном эпитете синтаксическая связь вступает в противоречие с логической. Благодаря этому логическое определение превращается в эпитет.

Свобода и легкость словообразования служат очень удобным и распространенным средством создания компрес-

сии в английском языке. По широте употребления его можно, пожалуй, сравнить с конверсией.

Авторы неоднократно указывали на продуктивность суффикса деятеля — *-er*. Большой частью он присоединяется к глагольной основе, но теперь он образует агента действия и от существительных — как простых, так и сложных. Например:

He shook hands with his mother, for he was never much of an *embracer*. (J. Michener)

Он пожал руку матери, так как никогда не любил *телячьих нежностей* (обниматься).

Первый вариант перевода является компенсацией актуализированного суффикса при помощи разговорного фразеологизма.

I'm an early *bedder*. (I. Murdoch)

Я рано *ложусь спать*.

Этот же суффикс образует и сложные слова и даже «фразовые» существительные (a do-it-yourselfer).

Mr Healy by his decision presented a Christmas package so small that it is hardly even a Christmas *stocking-filler*. (The Guardian)

Меры, на которые решился Хили перед самым рождеством, были такими жалкими, что их едва ли можно назвать рождественским подарком.

Новообразования могут, в свою очередь, порождать дальнейшие новообразования. Так, например, сложное слово *bed-sitter* образовано путем конверсии глагола *to bed-sitter*, который стал широко употребляться.

Bright, attractive Sarah, newly down from Oxford and now *bed-sitting* in London. (Из рекламы на обложке романа Маргарет Дрэбл.)

Умная, привлекательная Сара, только что окончившая Оксфордский университет, теперь работает в Лондоне по найму: *сидит вечером с детьми*, когда родителей нет дома.

Необыкновенная легкость новообразований в английском языке открывает очень широкие возможности для их стилистического использования.

In business you sometimes were the *pusher* and sometimes the *pushee*. (I. Shaw)

В деловой жизни вам иногда приходилось *заниматься проталкиванием чего-то*, а иногда быть *объектом такого проталкивания*.

Актуализируются также и префиксы, например, *ин-*. Очень своеобразно употребление префикса, *ин-* в романе Хартли.

The equivocal *unmistered* Trimmingham I had pictured to myself vanished utterly...

Загадочный Тримингэм, плод моего воображения, *которого никто не называл мистер Тримингэм*, исчез бесследно...

Говоря о декомпрессии, вызываемой особенностями словообразования в английском языке, нельзя не сказать несколько слов о конверсии.

Mr. Healy's prestige in the House is *at a low*. (The Guardian)

Престиж министра финансов Хили в Палате общин *упал очень низко*.

Из всего вышензложенного явствует, что средства языковой и речевой компрессии в современном английском языке чрезвычайно разнообразны. Компрессия создается фактически всеми уровнями языка, однако фонетического уровня в данной статье авторы не касались.

Средства создания компрессии, как стремились показать авторы, открывают широкие возможности для их индивидуального использования в экспрессивных и стилистических целях.

То, что перевод на всех уровнях языка часто требует развертывания, косвенно подтверждает тот факт, что сжатость выражения — компрессия — является характерной чертой современного английского языка и, как почти каждое языковое явление, может служить стилистическим целям.

ПРАГМАТИКА ЯЗЫКА КАК ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Известно, что прагматическая функция языка не имеет средств своей реализации в языке, а осуществляется в продукте коммуникативно-речевой деятельности, в тексте. По сравнению с языком текст является вторичной знаковой системой. Как целое он становится новым знаком, в результате чего знаки естественного языка приобретают новое, вторичное значение (или смысл), которое «диффузно» и не совпадает с каким-либо из значений отдельных слов и конструкций в тексте. Происходит как бы вторичная номинация, возникающая из употребления языковых знаков¹: знак приобретает смысл, а язык становится интерпретированным, «актуальным» языком, который имеет связь с актуальной ситуацией, с живой действительностью².

Уточнение понятия смысла выходит не только за рамки синтаксиса, но и за рамки семантики в прагматику, которая связана с употреблением знаков, т. е. с наличием цели, с деятельностью.

Анализ проблемы смысла означает в широком понимании анализ связи сознания, языка и объективной реальности.

Определение смысла знака выражается через правила его употребления в данном языке, причем эти правила в качестве предметных отложений деятельности входят в состав означаемого, в результате означаемое становится чем-то новым по сравнению с основной информацией, передаваемой только языком. Это новое, коннотированное означаемое транслируется уже с помощью текста.

Правила употребления языка с трудом поддаются формализации и не допускают завершенной формально-логической обработки.

Природа правил употребления языка связана с целью коммуникативно-речевой деятельности, а их качество, следовательно, и действенность, — с условиями коммуника-

¹ См.: Г а к В. Г. К проблеме соотношения языка и действительности. — ВЯ, 1972, № 5.

² См.: Домбровский И. Знак и смысл. — ВЯ, 1973, № 6.

тивно-речевого акта. Цель и условия коммуникативно-речевого акта реализуются в так называемых «формах употребления» языка или речевых жанрах¹, которые представляют собой определенные композиционные системы, определенные конструктивные разновидности общественной речи². Текст трактуется в данной статье как единство формы употребления и языковой материи. Форма не может быть понята независимо от содержания, она коннотативный элемент содержания. Одновременно она зависит и от особенностей языкового материала и способов его обработки.

Существует мнение, что формы употребления (или в терминах теории информации — «канал связи») имеют существеннейшее значение для понимания художественного текста и практически несущественны для языка, используемого в утилитарных целях, т. е. практического языка³. Последнее важно не только как мнение, но и как практика, укоренившаяся в переводческой деятельности, связанной с переводом нехудожественных текстов.

Однако информация редко бывает сугубо информацией, чисто интеллектуальной информацией, она имеет акценты, если не эстетические, то прагматические, а эти акценты неразрывно связаны с каналом связи, речевым жанром. Каждый речевой жанр — это определенная модель смыслообразования, это определенная знаковая система, в которой действуют свои, отличные от других жанров, правила сочетаний, комбинаций и взаимодействий знаков. Сами сочетания, комбинации и взаимодействия знаков являются носителями сложнейшей полифонии общественной психологии и обеспечивают соответствующую реакцию адресата.

Существует понимание адекватности перевода как сохранения той же реакции адресата при восприятии переведенного текста, что и при восприятии текста оригинала⁴.

В системе средств массовой словесной коммуникации любое печатное или устное слово, наряду с предметно-

¹ См.: М и р о н о в а В. Ю. Лингвистическая характеристика речевого жанра научно-технического реферата. М., 1975; А р х и п о в А. Ф. Синтаксические особенности речевого жанра — радиоинтервью. М., 1974.

² В и н о г р а д о в В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М., АН СССР, 1963, с. 206.

³ См.: Р и ж и н а ш в и л и У. И. Эстетическая информация. 1975, с. 19.

⁴ Т а м ж е, с. 20.

смысловым пониманием, рассчитано на действенность разного рода (от идеологической до «технологической» в смысле оперативности, экономичности и т. д. подачи информации). Все это входит в понятие текста, и переводчик должен переводить текст, а не редуцировать его, если на то нет особой необходимости.

Поэтому понимание лингвистических основ перевода следует расширить до понимания реальных условий существования языка, представленных в виде системы его употребления.

В качестве иллюстраций вышеприведенных соображений о роли текста для адекватности перевода предлагаются несколько речевых жанров, объединенных одним, наиболее простым типом текста — информационным типом, целевое назначение которого сводится к информированию, сообщению чего-либо. В качестве примеров взяты спортивные сообщения из газеты «Morning Star».

Для информационного типа текстов показателен следующий примерный набор функциональных характеристик: документальность, фактографичность, объективность, точность, логическая последовательность, линейность изложения, повествовательный характер высказывания. Степень свернутости и оперативности подачи информации зависит от более конкретных целей сообщения, а такие характеристики, как доходчивость, конкретность, простота связаны с характером адресности.

Все эти характеристики составляют структуру содержания сообщения, которую следует обязательно учитывать при переводе, и определяют смысловой характер языковых единиц, употребленных в тексте. Ср., например:

FIXTURES

Football

Scotland V Brazil (Hampden Park, 3.0).

CRICKET TODAY

TOUR MATCHES (11.30-6.30) —

The Oval:

Surrey V New Zealanders. Trent Bridge:

Notts V West Indies.

Приведенный текст относится к жанру объявлений, функциональной особенностью которого является предельно свернутая информация, переданная в предельно лаконичной форме. Вся информация содержит ответ на вопро-

сы: что, кто, где, когда; средством лаконизации выступает номинативность. Данное объявление рассчитано на широкий круг любителей спорта.

SCOREBOARD

Lord's: Kent (22 pts) bt Middlesex (6 pts) by 8 wkts. MIDDLESEX 228 (Smith 94; Shepherd 5-67) and 136 (Jones 53; Elms 5-38). KENT 327 (Aslf Iqbal 95, Johnson 51) and 38 for 2.

Iford: ESSEX (5 pts) drew with Glamorgan (7 pts). GLAMORGAN 338 (Majld Khan 95) and 182 for 8 dec (Jones 51). ESSEX 323 (East 58, Turner 52; Solanky 5-69) and 166 for 6 (Pont 55, Solanky 4-26).

Этот текст представляет собой краткое спортивное сообщение, близкое по изложению к приведенному выше объявлению, но уже рассчитанное на профессиональных любителей спорта. Эта форма дает максимум информации при минимальном числе печатных знаков. Средством языковой лаконизации изложения выступают сокращения слов и словосочетаний, употребление сокращенных обозначений, цифры. Точная адресность сообщения обеспечивается терминологичностью.

SPORTS SNAPS

QUEENSLAND, who began their second innings 405 runs behind the Rest of the World XI in Brisbane yesterday, finished the third day 103 for now wicket.

NEW ZEALAND beat France 24-2 in the second Rugby League Test at Carcassonne yesterday.

Эта рубрика газеты также относится к жанру кратких сообщений, основное назначение которых дать информацию оперативно и в краткой форме.

Читательский адрес таких сообщений более широкий, чем в первом объявлении. Они рассчитаны не только на любителей спорта, но и на лиц, которые не имеют опыта любителей спорта, но интересуются состоянием дел в раз-

ных видах спорта. Объем информации здесь небольшой, она развернута с помощью грамматических структур, являющихся нормой литературного английского языка, профессиональная спецификация лексики отсутствует.

Приведенные сообщения отличаются большой степенью свернутости информации, для формы трансляции которой характерна оперативность, точная адресность и производная от них краткость сообщений.

Ниже приводятся две спортивные заметки, в которых информация дана в более развернутом виде; читательская аудитория в определенной степени специализированная, заинтересованная в получении более подробной информации о каком-либо спортивном событии в определенном виде спорта. Для таких сообщений характерна актуальность, оперативность, конкретность информации (нередко в форме наглядности).

HUNGRY WOLVES

Morning Star Football Reporter

Wolves 5... Arsenal 1

SLACK DEFENCE; midfield men Georg and Graham ineffective; Arsenal were unrecognisable as double winners in this match against voracious Wolves.

All the special Gunners midweek training was shattered as they struggled from start to finish, while Wolves dominated them in the first half and humiliated them in the second.

Even when Kennedy shot Arsenal into a half-time lead, Wolves were always on top with winger Wagstaff, defender Munro and midfield man Bailey dominant. Having taken the measure of their rivals in the opening stages Wolves moved more men into attack after the break, a policy which brought goals in the space of 20 minutes from Wagstaff, Hibbitt, Dougan (2) and McCalliog, a penalty.

В этой спортивной заметке факт разворачивается в целое событие и носит характер ретроспективного повествования, в котором, в отличие от спортивных сообщений, фактор времени не затемнен, хотя и ослаблен, и хронологический принцип развития содержания налицо. В спортивных сообщениях содержание развивается по принципу логической очередности. Если для языкового оформления в вышеприведенных жанрах спортивных сообщений была характерна стереотипность, то в спортивных заметках этой

жесткости, ставшей уже нормативной для сообщений, не наблюдается.

YOUNG MARK PUTS UP A GREAT FIGHT

MARK FARRELL, 18, one of Britain's brightest young tennis prospects, gave white South African Bob Hewitt quite a fright in the Dewar Cup tournament at Aberavon yesterday.

Hewitt, with an injured Achilles' heel, eventually won 0-6, 6-1, 6-3, but not before Farrell had put up fine resistance and made Hewitt run for every point.

After 13 minutes Hewitt had lost the first set 6-0. For the next hour the match was an uncompromising battle finally resolved in a tense last set in which Hewitt's rising temper could be gauged by the number of times he parted company with his racket...

Данная заметка представляет собой «классическую» форму спортивной заметки, в которой повествовательный характер хорошо эксплицирован с помощью эксплицитно выраженной хронологической последовательности. Собственно повествование включает выраженные в экономайной языковой форме «перебивки» описательного характера, которые несут дополнительную информацию.

Форма газетной заметки является более емкой в композиционном отношении по сравнению с сообщением и допускает включение описательных и объяснительных элементов в синтаксически и лексически сжатой форме.

Для рассмотренных речевых жанров как качественных определенностей информационного типа текста характерна разная степень аналитико-синтаксической переработки информации, что определяет смысловую сторону текста, как со стороны его содержания, так и со стороны его языковой оформленности.

Приведенные иллюстрации на самом простом типе текста и на практически стереотипных формах употребления языка, прагматический спектр которых не столь обширен, показывают, как самые, на первый взгляд, незначительные перемены в объективных факторах коммуникации (цель, адресат) влекут за собой коннотативные изменения и перестройку всей системы отбора и комбинирования языковых единиц: меняется характер расчленения речевой цели внутритекстовой синтаксической связи, меняется степень самостоятельности предложений внутри текста, степень коммуникативной нагрузки каждого предложения,

меняется характер номинативности (именной способ выражения), а также лексический состав.

Отсюда переводческая проблематика эквивалентности необходимо должна включать проблему коннотированности содержания, обуславливающую прагматику языка текста, как фундаментальную составляющую теории языково-переводческой эквивалентности.

А. В. Садиков
(Москва)

ПЕРЕВОД АРГОТИЗМОВ

(На материале испанского языка)

Что литературный язык и язык художественной литературы — не одно и то же, давно известно. В целях речевой характеристики своих персонажей или описания определенной ситуации писатели часто используют лексические средства, лежащие за пределами литературного языка, малоупотребительные и малоизвестные большинству его носителей, ограниченные рамками какой-либо узкой сферы: территориальной, профессиональной, социальной. Естественно поэтому, что когда писатель обращается к жизни общественного «дна» — преступного мира, — речь его персонажей начинает изобиловать арготическими словами и выражениями, что сразу ставит трудную задачу перед переводчиком. Конечно, задача эта не является уникальной (во многом сходные задачи ставит любой стилистически окрашенный пласт лексики) и тем не менее она заслуживает особого подхода в силу специфических черт, свойственных именно этому пласту.

Прежде всего, что представляет собой арго как особый подраздел лексики? Арго может быть описано, по крайней мере, с трех точек зрения: формальной, т. е. с точки зрения способов номинации, используемых при образовании его лексем; стилистической, т. е. с точки зрения стилиевых особенностей, выделяющих его среди других пластов лексики, и с точки зрения сфер и ситуаций его употребления, определяющих его место как подсистемы социального членения языка.

С первой точки зрения арго представляет собой весьма своеобразную лексическую систему, которая, беря за ос-

нову лексику общенародного языка (в большинстве случаев), а также и диалектную, изменяет ее почти до неузнаваемости путем интенсивного использования всего арсенала словообразовательных средств языка: фонетических изменений слов (метатеза, усечение, наращение), морфологического словообразования (аффиксация, словосложение) и особенно семантического словообразования (все виды известных языку тропов). Одновременно аргю широко пользуются иностранными заимствованиями и при этом, как правило, такими, которые неизвестны литературному языку.

По частотности употребления этих приемов, по высокой экспрессивности и особой стилистической окраске аргю можно сравнить с так называемым экспрессивным просторечием. Однако, помимо языковой экспрессии, аргю несет и другие нагрузки. Прежде всего оно выполняет функцию называния тех вещей, которые не имеют названия в общенародном языке (то, что они могут быть описаны на нем, не меняет дела). Сюда относятся, например, многочисленные инструменты воровского дела, «производственные операции», различные категории преступников и т. д. В этом плане аргю родственно всякой профессиональной терминологии, назначением которой является дать название каждому предмету и явлению, существенному для работников данной профессии и несущественному или неизвестному за ее пределами. Этот слой арготической лексики наименее экспрессивен, а, как известно, характерным для всякой терминологии, в отличие от профессионального жаргона, является ее стилистическая нейтральность. Помимо этой терминологической функции, аргю имеет еще одну, и даже более характерную, поскольку она противопоставляет аргю всему остальному языку. Дело в том, что во многих случаях арготическая экспрессивность существует не ради самой себя, а для того, чтобы отразить и закрепить в лексике и коллективные эмоциональные реакции, и стоящую за ними систему моральных и социальных ценностей, противопоставляемую системе ценностей всего остального общества. Конечно, аргю — не единственная лексическая система, наделенная этой функцией; определенную систему ценностей, социальных, моральных или эстетических, можно выявить и при анализе словоупотребления, характерного для определенной общественной группы, будь то политическая партия или литературная школа, и даже для отдельного автора. Однако аргю отличает-

ся тем, что его система словесных значений — сигнификатов с заключенными в них ассоциациями и эмоционально-оценочными характеристиками, противостоит самым общим, общечеловеческим, ценностям, отраженным в лексике любого современного общенародного языка, подобно тому как преступный мир противостоит всему «гражданскому обществу» с его институтами и моралью.

В чем конкретно это проявляется? Приведем несколько примеров из аргоспаниского языка в Латинской Америке¹. Как уже говорилось, наиболее характерным для аргоспаниского является семантическое словообразование, т. е. различные виды тропов. Образность аргоспаниского является и главным средством, обеспечивающим его высокую экспрессивность. Какова же направленность аргоспанической метафорики, какую оценку она в себе заключает? Возьмем понятие «честный человек». В литературном языке слово *честный* несет в себе положительную эмоциональную оценку, не случайно оно однокоренное с *честь* и в испанском, и в русском языках. Для лица, говорящего на аргоспаниском, честный человек — это личность, вызывающая если не отвращение, то уж во всяком случае крайнее презрение. Его называют словом *jeta* (букв. «рыло, харя») или *otario* (букв. «тюлень»). Человека ограбленного называют *таје* (<тајадего — «дурак»), *ргито* (букв. «олух»), *риегсо* (букв. «боров»); при этом все перечисленные слова означают также «наивный», «непрактичный», «легковерный».

Цинизм деклассированных ярко выражен в обозначениях различного рода насильственных действий и орудий насилия. Здесь и наигранное хладнокровие, и презрение к смерти, и аффектированное, но вполне реальное и характерное равнодушие, и презрение к побежденному противнику и жертве. Так, *нож* в испанском аргоспаниском — это *alfiler* (булавка), *limpiadientes* (зубочистка) или *sacatripas* (букв. «выпускатель кишок»); *пистолет* — *escupidora* (плевалка). *Избить* — это *афapar* (обработать), *calentar* (взгреть), *atizar* (встряхнуть, пошевелить), *planchar* (разгладить); *избить до бесчувствия* — это *descontar* (списать со счетов), *ронер рарежо* (букв. «положить прямо»). *Ранить* — это *alfilrear* (уколоть булавкой), *medir el aceite* (замерить уровень масла). *Убить* — это всего лишь *dar agua* (агуита)

¹ См.: Frejo A. Diccionario etimológico latinoamericano del léxico de la delincuencia. México, 1968; Cifuentes J. Vicuña. Coa. Jerga de los delincuentes chilenos. Santiago de Chile, 1910.

(пустить водичку), mandar a uno a empujar las margaritas (букв. «послать кого-либо толкать маргаритки» — имеется в виду: из-под земли на кладбище), а также: aclarar (вычистить), surtir (убрать), volcar (опрокинуть), apagar (погасить).

Арго отличается тем, что превосходит любой другой отдельно взятый жаргон широтой охвата: арготические названия имеются практически для всех предметов и явлений, имеющих значение для носителей арго в их повседневной жизни; и в любой из своих понятийных сфер арго имеет яркую эмоционально-экспрессивную окраску. Однако эта эмоциональность достигает предела, когда речь заходит о том, что для говорящих на арго является воплощенным злом — о правоохранительных органах и служителях правосудия. Здесь бьют бурным потоком и соперничают друг с другом страх и агрессивность, ненависть и наигранное холодное презрение, беззаботная ирония, циничная издевка и мрачный юмор. Так, для преступного мира Латинской Америки *полицейский* — это *попо* (обезьяна), *güitre* (стервятник), *sombra* (тень), *perjuicio* (ущерб, вред); *судья по уголовным делам* — *mono de palo* (обезьяна с палкой); *начальник тюрьмы* — *verdugo* (палач). *Полиция* — это также *azulada* (собирательное от *azul* — голубой — обозначение жандарма), *carniceros* (мясники), *gafios* (крюки, багры).

Конечно, из всех разнообразных чувств, которые внушает преступникам правосудие, в отдельном названии может преобладать какое-то одно, и в частности, легкая беззлобная ирония, например, *начальник тюрьмы* может называться *amigo* (друг), *секретарь суда* — *ángel* (ангел), *судья* — *rey del cielo* (царь небесный); но все эти понятия имеют не одно, а несколько наименований и, таким образом, неизбежно характеризуются с разных точек зрения. Так, *полицейское управление* называется *academia* (букв. «академия» — намек на то, что здесь «получают образование») и *carnicería* (букв. «мясная лавка, мясницкая» — термин, разъясняющий, какое именно образование здесь получают).

При всем том в воровском языке немало слов и с положительной эмоциональной оценкой, основным объектом которых являются, как и следовало ожидать, сами воры. В Латинской Америке, например, они применяют к самим себе и ласкательное *piño* (малыш), и слова, отмечающие их «трудолюбие» и упорство: *trabajador* (работник), *conse-*

guidor (добытчик), afanador (трудяга); а также острый ум: lanza (букв. «копье») — и расторопность: manilón (букв. «рукастый»). Есть свои названия и для смелого, задорного, молодцеватого вора — gallo (букв. «петух»), и для опытного вора, мастера своего дела — catedrático, artista (букв. «профессор», «артист»).

Очень характерным образом отражается воровская система ценностей и в передаче понятия 'красть' ('выкрасть', 'обокрасть'). Действие, морально осужденное всеми обществами, здесь предстает как тяжелая работа, требующая вдумчивого к себе отношения, а часто и напора, и дерзости. В аргосе испанского языка это понятие передается следующими словами: trabajar, а также afanar и laborar (работать), conseguir (букв. «добыть», а также «купить»), relar (ободрать), garar (остричь), pulir (отшлифовать), perseguir (разыскать, докопаться) и т. п. При этом показательно, что многие из приведенных метафор имеют параллели в аргосе различных европейских языков, в том числе и русского (см. ниже).

Приведенных примеров арготической метафорики достаточно, чтобы показать, сколь важным изобразительным средством могут быть для писателя арготизмы в речи его героев и сколь опасным для авторского замысла может быть поверхностное отношение к делу переводчика, обходящего проблему вместо того, чтобы ее решать, и считающего, что достаточно передать содержание этой речи обычным разговорным языком и тем самым застраховать себя от обвинений в прегрешениях против русского языка, совершенных под давлением оригинала. К слову сказать, не являются ли эти опасения причиной того, что персонажи очень многих литературных произведений говорят в переводе безукоризненно правильным русским языком, но при этом языком безнадежно усредненным и олитературенным и к тому же предполагающим в говорящем, как минимум, среднее образование и хорошее владение словом?

Как же переводить арготические выражения: и отдельные слова, и целые высказывания, встречающиеся в художественной литературе?

Конечно, точное воспроизведение в речи персонажей современного аргоса языка перевода, в данном случае русского, даже будучи технически выполнимым, нежелательно. Во-первых, данный пласт лексики изобилует реалиями, недвусмысленно указывающими на его национальную принадлежность; во-вторых, в каждом аргосе имеется зна-

чительное количество заимствований, звуковой облик которых выдает их происхождение. Так, в русском арго имеются заимствования из немецкого, польского, древнееврейского, идиша, цыганского, тюркских и финно-угорских языков¹. Укажем для сравнения, что в арго испанского языка едва ли найдутся хотя бы единичные заимствования из большинства этих языков; характерными же являются заимствования из цыганского (в Испании, причем в гораздо больших масштабах, чем в русском), английского, итальянского и индейских языков (в странах Латинской Америки).

И самое важное: будучи точно воспроизведенным, арго языка перевода, особенно самое современное арго, окажется мало понятным читающей публике. Лишь с течением времени и лишь часть арготизмов становится известной — та часть, которая находит отражение в художественной литературе или проникает в разговорную речь широких слоев общества. Необходимо помнить, что писатель, как правило, производит отбор лексики, руководствуясь своим художественным чутьем, не копируя, а как бы реконструируя особенности речи своих персонажей, иногда из немногих деталей. Очевидно, подобную же задачу должен ставить перед собой и переводчик. Он должен смоделировать арготическую речь персонажей, с тем чтобы сохранить ее художественную достоверность.

Какими средствами располагает переводчик для подобного моделирования? Прежде всего в его распоряжении слова, о которых только что говорилось: арготизмы, известные большинству читателей или из художественной литературы и кино, или же вышедшие за пределы данной социальной группы и ставшие общепонятными единицами. Как правило, они так и не становятся литературными и продолжают восприниматься как слова низкого стиля, что в данном случае вполне отвечает задаче переводчика. В русском языке к их числу относятся такие слова, как *стрема, пацан, шпана, чувиха, легавый, сука, стучать, продать, расколоться* и др.

Конечно, этого набора может оказаться недостаточно, так как арго — это весьма широкая лексическая система, способная описывать большое разнообразие ситуаций. Од-

¹ Данные по русскому арго приводятся на основании статей, содержащихся в сборнике «Язык и литература» (т. VII, Л., РАНИОН, 1931).

нако возможности переводчика могут быть расширены практически беспредельно в силу одной из существеннейших черт арго, о которой уже говорилось. Арготическая лексика имеет несколько источников, но удельный вес их далеко не одинаков: 60—80% этой лексики имеют своей основой семантическое словообразование, часто дополняемое тем или иным приемом морфологического словообразования. А из способов семантического словообразования на первом месте стоит метафора, являясь вообще наиболее продуктивным из всех отдельно взятых источников арготической лексики. Она же является главным средством, сообщаящим арго его особые эмоционально-оценочные и культурные коннотации. А это означает, что переводчик всегда может отобрать из арго языка перевода те лексемы, которые, независимо от того, известны они читателю или нет, будут ему понятны в силу своей ясной внутренней формы и одновременно имеют необходимое арготическое звучание.

В отдельных случаях между арго двух языков найдется некоторое количество полных соответствий, когда совпадают и способ порождения лексической единицы (напр., и в том, и в другом языке — метафора) и образ, положенный в основание последней; сравним, например: англ. *bug* и рус. *жучек* в значении 'выдать' (полиции), англ. (в США) *push* и рус. *толкнуть* в значении 'продать', исп. *cantar* и рус. *петь* в значении 'сознаться' (на допросе), исп. *escupidora* в значении 'пистолет' (*букв.* «плевалка») и рус. *плюнуть* в значении 'убить'. Правда, таких полных совпадений внутренней формы и значения немного. Но этот факт не является препятствием для перевода, во всяком случае не в большей степени по отношению к арго, чем по отношению к языку в целом. Арготический язык перевода в большинстве случаев может дать в руки переводчику слова с прозрачной семантикой, соответствующие по стилистической окраске арготизмам языка оригинала. Так, испанскому *alfiler* нож, (*букв.* «булавка») — перенос по форме + характерный признак «имеет острие и колется» соответствует русское *перо* (нож) — перенос по форме + характерная функция, им можно «расписать», т. е. изрезать. Испанскому *sachimba* (пистолет, *букв.* «трубка») соответствует русское *пушка* в том же значении; функционально и стилистически эти слова эквивалентны, различен лишь способ метафорического переосмысления лексики общенародного языка в данном случае, в чем проявилось или спе-

цифическое языковое мышление данного народа или, более вероятно, различный ход мысли создателей этих арготизмов.

В отдельных случаях переводчик может использовать слова, не обязательно известные читателю или имеющие ясную внутреннюю форму, но способные сообщить речи персонажей ярко выраженную арготическую окраску. Подобным образом часто поступают писатели, когда хотят привлечь внимание читателя к свойственной арго экспрессивности самой звуковой формы слов или же к характерному подбору слов, отличающему арготический язык от литературного языка. Значение же таких слов, как правило, становится ясно из контекста, словесного или ситуационного. Так, например, во фразе «Я выхватил шпалер» даже человек, впервые встретивший слово «шпалер», поймет, что речь идет об оружии, и, очевидно, огнестрельном, как свидетельствует звуковая форма слова, т. е. что это скорее всего пистолет¹. Конечно, при отборе таких слов много значит лингвистическое чутье переводчика, его чувство стиля и меры.

Наконец, владея приемами семантического словообразования и будучи знаком со стилистическими и функциональными особенностями арготического языка, переводчик может создавать арготизмы, во всем подобные реально существующим в языке перевода (и могущие в нем появиться в любой момент, поскольку арготический язык постоянно обновляется) и одновременно понятные читателю и удовлетворяющие условиям, заданным текстом оригинала. Это может быть необходимо тогда, когда соответствующего арготизма просто нет в языке перевода или по каким-то причинам требуется сохранить внутреннюю форму арготизма, встреченного в тексте.

Итак, приступая к переводу арготически окрашенной речи литературных героев, переводчик должен учитывать, по крайней мере, три момента:

1. **Стиль.** Арготический язык — это стилистически низкий пласт лексики, что проявляется и в звуковой форме составляющих его слов, как правило, малоблагозвучной, и в его мета-

¹ Своей живучестью в русском арготическом языке это слово, являющееся заимствованием из немецкого арготического языка, обязано, очевидно, именно своей выразительной звуковой форме, содержащей и звукоподражательный элемент и вызывающей ассоциации с некоторыми русскими словами, такими как *палить* и *револьвер*. Эти черты следует отметить, потому что они характерны для арготизмов вообще.

форике и фразеологии, как правило, примитивной и вульгарной. Если исключить из речи говорящих на арго все собственно арготические слова, то перед нами будет не литературная речь, а грубое просторечие, пересыпаемое ругательствами. Нельзя забывать, что одной из целей употребления арготизмов автором может быть именно цель «эпатировать публику».

2. **Идеология.** Арготические метафоры, помимо своей высокой экспрессивности, отличаются тем, что заключают в себе целую систему ценностей, которая в двух словах может быть сформулирована так: хорошее — это преступный мир и все, что ему присуще; весь остальной мир заслуживает лишь ненависти, презрения, насмешки или, в лучшем случае, снисходительной иронии.

3. **Естественность.** Стилистически окрашенным пластам лексики, как правило, более присущи специфически национальные черты, чем стилистически нейтральным. Переводчику, следовательно, необходимо проявить максимум внимания, чтобы, например, речь испанских бандитов не содержала у него ни намека на какие-либо русские реалии, ни иностранной экзотики, как не содержит она ее для читателя оригинального текста.

Рассмотрим с точки зрения указанных принципов перевод некоторых из арготизмов, встречающихся в романе испанского писателя Рамона дель Валье-Инклана «Двор чудес»¹. Этот писатель, язык которого вообще невероятно богат и весьма разнообразен по стилю, уделяет огромное внимание речи своих персонажей. Одна из ярких и, конечно, не случайных деталей романа заключается в том, что на одном и том же арго преступного мира говорят и шайка бандитов, прошедших тюрьму и каторгу и обсуждающих в одной из глав романа, как вернее добиться выкупа от семьи похищенного ими юноши, и — как это, на первый взгляд, ни удивительно — «золотая молодежь», отпрыски знатнейших дворянских семей, кутящие и бесчинствующие в самом центре Мадрида. Этот речевой параллелизм служит одним из средств воплощения замысла автора, проявляющегося уже в названии романа: «Двор чудес» — это, конечно же, описанный в романе двор испанской королевы Исабелы II, и одновременно — его краткая и уничтожающая харак-

¹ В а л ь е-И н к л а н Рамон дель. Арена иберийского цирка. Т. I, Двор чудес. Пер. с исп. Б. Н. Загорского. М., 1936.

теристика: «дворами чудес» именовались в средневековой Франции и Испании притоны нищих, воров и разбойников. Переводчик, естественно, не должен упускать из виду эту деталь авторского замысла. В некоторых случаях это ему удается; в других, как мы увидим, он предпочитает ее не замечать.

В одном из эпизодов романа молодой маркиз Гонсалон де Торре-Мельяда вымогает деньги у дворецкого, поливая его оскорблениями. В его речи звучат и арготизмы: «...у me das, *las beatas*» «*aroquina*, у *guardémonos mutuamente los secretos*»¹. Переводчик не обращает на них внимания, передавая смысл просто разговорными фразами: «...и ты дашь мне денежки», «Выкладывай монету, и сохраним взаимные тайны». И напрасно, потому что экзотически звучащий глагол *aroquina* будет слышаться не раз в разговорах шайки бандитов, действующей на землях родового поместья той же семьи Торре-Мельяда. Переводчик не обязан давать зеркальное отражение реплик, да часто это и невозможно, но какую-то арготическую окраску речи молодого маркиза он, на наш взгляд, должен был бы сообщить. Тем более, что несколькими страницами позже автор прямо указывает на попытки Гонсалона подражать манерам и речи бывалого преступника:

Gonzalón Torre-Mellada, súbitamente decidido a *correrla*, respondió, fingiendo el empaque de un *cumplido de la trena*:
— ¡Bien y lucido!

Гонсалон Торре-Мельяда с внезапной решимостью ответил, разыгрывая бывалого преступника:
— Ни пера, ни пуха!

Позже переводчик делает попытку передать арготизмы, и диалог героев начинает звучать, если и не вполне так, как звучала бы в действительности речь компании пьяных хулиганов, то во всяком случае близко к ней:

— ¡Estate alerta! A Paquiro le han *echado el guante los guindas*, y vendrán a buscaros.

— Держи ухо остро! Пакиро сцапали фараоны и придут сюда искать вас.

— ¿Paquiro *se ha be-rreado*?

— Пакиро слягавил?

¹ Valle-Inclán Ramón del. El ruedo ibérico. La corte de los milagros. М., Progreso, 1971.

— No se habrá berreado más que a medias pues ha metido el trapo a los guindas, llevándolos al Suizo.

— Пакиро слягавил только наполовину, потому что сбил фараонов со следа и увел их в Суисо.

В другой части романа действие происходит на землях поместья Торре-Мельяда, на старой мельнице, ставшей притоном шайки вымогателей. Писатель не жалеет красок для того, чтобы подчеркнуть мрачность, «преступность» обстановки. Арготизмы вкраплены даже в авторскую речь, и ими буквально пестрит речь персонажей. Конечно, передать все ухищрения столь сложного авторского стиля, как стиль Валье-Инклана, невозможно, если же попытаться сделать это, текст будет звучать неестественно для русского читателя. Однако переводчик делает определенные и довольно успешные попытки передать арготическую речь персонажей:

Respondió un levante de voces:

— ¡Que el camastrón de su padre *apoquine* el loben!

— ¡Que *afloje* la zaina!

— ¡Gandulazo, que te buscas el finibusterrel ¡El cutre de tu padre *habillela* el *sonacai* en tinajones!

Шквал голосов ответил:

— Пусть сквалыга-отец выкладывает выкуп!

— Пусть вывернет мошну!

— Ты сам суешь шею в петлю, бездельник! Твой паршивый отец затакарил рыжие в кубышку!

Хотя в переводе употреблен всего один арготизм («рыжие» в значении «деньги»), задача в целом переводчиком выполнена, так как реплики выдержаны в духе грубого просторечия, естественного в данной ситуации. Уместен в данном случае и абсолютно не литературный и малоизвестный глагол «затакарить», поскольку своей резко вульгарной окраской он способствует нагнетанию экспрессивности во фразе, а его значение совершенно ясно из контекста. Может быть, и можно было бы сделать реплики более «арготичными», но необходимый оттенок здесь во всяком случае ощущается.

К сожалению, в ряде других случаев переводчик предпочитает переводить «по денотату», ориентируясь только на смысл высказывания, и речь грубых и неграмотных полукрестьян-полубандитов начинает звучать, как речь

интеллигентов, с легким оттенком разговорно-фамильярного стиля:

— Caballeros, abajo están los *guindas*; van a subir.

— ¡Si canta, vamos todos al *estaribell*!

— Esas son pamplinas. Si se sacan tres mil *durandartes*, no habremos *salido con las manos en la cabeza*.

— Ahora las aldabas dicen: Caballeros, a no repi-carnos y *andarse con pupila y estarse aplastados*.

— El negocio se *ha escachifollado*, vista la precisión de *aburrir este nido*.

— ...Y por tener a nuestros dueños con un pie el *finibusterre*, andamos nos-otras aperreadas fuera del *runja*. ¡Ha visto usted que los *vellerifes* le han *echado el guante* a Tito el Baldado!

— Гиндильи внизу, ка-бальеро, и сейчас подни-мутся сюда.

— Если он донесет, все мы сядем в каталажку.

— Глупости! Если нам удастся вытянуть три ты-сячи дура, то можем ска-зать, что нам повезло.

— Теперь благодетели го-воят: кабальеро, не за-знавайтесь, держите ухо востро и будьте тише воды, ниже травы.

— Поскольку прихо-дится гнездо забросить, дело ухудшается.

— А наши вот хозяйева од-ной ногой на виселице, и ходим мы, как неприка-янные, в стороне от дороги. Видели, как сивили везли Тито-калеку?

Помимо общего повышения стиля этих высказываний, а также и их «социального статуса» (ибо так может гово-рить кто угодно, только не бандиты и их сообщники), по-мимо одного явного смыслового ляпсуса (можно быть од-ной ногой в тюрьме, в могиле, на эшафоте, но не на висе-лице, разве что вешать будут за ноги), следует отметить здесь и неуместную испанскую экзотику: «сивили», «гин-дильи». Эти слова звучат, во-первых, явно по-иностран-ному, во-вторых, очень изысканно (напоминают «Севилью», «мантилью» и т. п.). Для читателей же оригинального тек-ста, так же как и для героев романа, это — резко и през-рительно звучащие клички полицейских, такие как в рус-ском языке *фараон*, *легавый* и др. К тому же переводчик пишет «сивили» там, где в испанском тексте даже не *civiles*, а гораздо более резкое слово *vellerifes*.

Все эти просчеты лишней раз говорят о необходимости большой точности в передаче авторского стиля, в том числе и в тех случаях, когда этот стиль намеренно занижен.

Т. В. Воеводина
(Москва)

О СООТВЕТСТВИИ ПЕРЕВОДА ЖАНРОВЫМ ТРАДИЦИЯМ ПЯ В СВЕТЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ПЕРЕВОДА

Лингвистическая теория перевода рассматривает вопрос о степени близости текста перевода к тексту оригинала по содержанию и форме. На практике, однако, случается, что высокая степень фактической и формальной близости к оригиналу не обеспечивает переводу жизнеспособности, а иногда вполне пригодным оказывается довольно «приблизительный» перевод. Так, при письменном, устном последовательном и синхронном переводах получаются тексты, в весьма различной степени передающие и фактическую информацию и стиль подлинника. Однако в соответствующих случаях все виды перевода успешно используются. «Практически существуют переводы, обеспечивающие полноценную межъязыковую коммуникацию, т. е. успешно выполняющие те задачи, ради которых они осуществляются»¹, — отмечает В. Н. Комиссаров. Поэтому лингвистическая теория перевода (в любой ее разновидности) имеет тот недостаток, что она строится без учета конкретной ситуации, конкретных целей, ради которых порождается перевод. Перевод, по словам В. Н. Комиссарова, это всегда «реальный процесс, осуществляемый в конкретных условиях, определенными людьми, с определенными целями, под воздействием целого ряда конкретных факторов»².

Что же делает текст перевода пригодным к использованию?

Любой перевод легко представить себе как коммуникативную ситуацию: Источник — Переводчик — Получатель. Если коммуникативная ситуация поддерживается в про-

¹ Комиссаров В. Н. Теория перевода на современном этапе. — Тетради переводчика, вып. 13. М., Междунар. отношения, 1976, с. 5.

² Комиссаров В. Н. Слово о переводе. М., Междунар. отношения, 1973, с. 158.

цессе перевода, значит, переводчик правильно выполняет свою роль.

Дальше возникает вопрос: при каком условии коммуникативная ситуация поддерживается, не обрывается? Вероятно, это происходит в том случае, если Получатель испытывает доверие к тексту перевода. «Доверие к тексту перевода» не следует понимать в том смысле, что Получатель полагает, будто все, сказанное в переводе, — истина. Он должен считать, что предлагаемый ему перевод — хороший перевод, что переводчик сделал все, как положено в соответствии с законами своего ремесла.

Таким образом, мы считаем, что ценность перевода определяется его способностью поддерживать коммуникативную ситуацию, попросту говоря, связывать, соединять людей, разобщенных отсутствием общего языка.

Можно ли сформулировать какие-либо правила для того, чтобы перевод был способен поддерживать коммуникативную ситуацию? Вероятно, да. Мы остановимся на универсальном, с нашей точки зрения, правиле для всех видов перевода: для поддержания коммуникативной ситуации текст перевода должен иметь языковую форму, подобную той, к которой Получатель привык в текстах аналогичного назначения на своем родном языке.

Действительно, как отмечалось в самом начале статьи, переводы создаются для того, чтобы ими пользоваться, т. е. черпать из них определенную информацию, в том числе художественную — в случае художественного текста, соглашаться с мыслями автора или, напротив, отвергать их. Для того чтобы этот процесс шел беспрепятственно, привычная форма текста нужна не меньше, чем привычное (орфографически правильное) написание слов. Если бы каждый пишущий писал слова, как бог на душу положит, читающий сосредоточивал бы внимание только на разглядывании и разгадывании буквенной оболочки слов. Здесь уж не до содержания!

Последовательно придерживаясь мысли, что полноценная коммуникация может быть осуществлена только при помощи текста, имеющего привычную языковую форму, можно сказать, что достижение «привычности» — одна из первых задач и при переводе художественного текста. Однако трудность состоит в том, чтобы выделить некоторые универсальные признаки, которые не зависят от стиля отдельного автора, а характерны, скажем, для всей художественной прозы современного периода. Нам представ-

ляется, что такими признаками, малоподверженными колебаниям, являются, в частности, пропорция низкие/высокие элементы лексики и фразеологии¹ и с точки зрения синтаксиса средняя длина (количество слов) и средняя осложненность фразы.

ε главных предл. + ε придаточн. предл. + ε оборотов
общее кол-во предложений

Рассмотрим в качестве примера итальянский текст — начало рассказа А. Моравиа «Свадебный подарок» и его перевод на русский язык.

Ortolano mio nonno, ortolano mio padre, fui io il primo ad interrompere la tradizione. Eh, la colpa è di Roma che cresce a vista d'occhio e si mangia ogni anno un pezzo di campagna coi suoi casamenti e i suoi stradoni. L'orto nostro, trenta o quarant'anni fa, stava tra i canneti, sulla sponda del Tevere. Poi Roma fece un altro passo avanti: di fronte all'orto venne su una fila di case; a fianco sulla sinistra, si sistemò l'osteria del Traghetto, proprietario De Santis, con giardino e vista sul Tevere; sulla destra il garage di Diotallevi, con le pompe della benzina e le scritte al neon. Però mio padre, che ci aveva la passione della terra continuava a lavorare nell'orto andandoci ogni mattina in bicicletta; io intanto avevo aperto sul viale Ostiense un negozietto di accessori per automobili. Poi mio padre morì e io, dopo aver provato ad affittare l'orto e non aver trovato un cane che lo volesse, me ne disinteressai: ci avevo altro per la testa che le lattughe e i cavoli cappucci. Così l'orto fu abbandonato alle erbacce e alla mondezza che un po' tutto il quartiere ci scaricava dentro. Diventò, insomma, un terreno fabbricabile tutto arbusti selvaggi e mucchi di spazzatura.

Con Placido, il proprietario del garage, ero amico, anzi si può dire quasi fratello. A venti anni eravamo

¹ «Каждый развитый национальный язык строго регламентирует пропорцию книжных и разговорных элементов в нейтральном стиле», — пишет Ю. С. Степанов. (См.: Степанов Ю. С. Основы общего языкознания. М., Просвещение, 1975, с. 205). По нашему мнению, нет никаких препятствий для распространения этой мысли на все стили.

molto simili : tutti e due magri e turbolenti, gli occhi lucidi, il ciuffo sulla fronte, sportivi arrabbiati, bevitori gagliardi. Io rimasi piú o meno lo stesso ; ma Placido cambiò, inquantandosi e calmandosi ogni anno di piú, cosí che alla fine Placido si chiamava e placido era, da non riconoscerlo piú. (Moravia A. Racconti romani. Mosca, Progresso, 1969, p. 230)

Огородником был мой дед, огородником был мой отец, и только я первый нарушил эту семейную традицию. А повинен в этом Рим — он растет на глазах и каждый год пожирает кусок окружающей деревни для своих новых домов и широких улиц. Наш огород лет тридцать-сорок назад находился среди зарослей камыша у самого берега Тибра. Потом Рим опять шагнул дальше, и перед огородом выросли дома; слева пристроилась траттория «У парома» с садом и видом на реку, хозяйина ее звали Де Сантис, а справа появился гараж соседа с заправочной колонкой и светящейся неоновой вывеской. Мой отец, который был сильно привязан к земле, продолжал работать на огороде, отправляясь туда каждое утро на велосипеде, я же через некоторое время открыл на проспекте Остиензе маленький магазинчик, где торговал всем, что может понадобиться автомобилистам. Вскоре отец умер, я попытался было сдать огород в аренду, но охотников на него не нашлось, и я позабыл о нем думать: у меня хватало забот и без салата латука и кочанной капусты. Так огород был заброшен, зарос сорной травой и стал служить свалкой для мусора — его тащили сюда чуть не со всего квартала. И превратился мой огород в пустырь, сплошь покрытый диким кустарником и заваленный кучами мусора.

С Плачидо, владельцем гаража, мы были друзьями, более того, можно сказать — почти братьями. В двадцать лет мы с ним были очень похожи — оба худые, беспокойные, непоседливые, с блестящими глазами, напояженными губами, заядлые спортсмены, не дураки выпить. Я, можно сказать, остался почти таким же, но Плачидо переменился; с каждым годом он становился все положительнее и солиднее, и в конце концов его стало совсем не узнать. (Моравиа А. Свадебный подарок. Пер. Г. Богемского — В кн.: Моравиа А. Дом, в котором совершено преступление. М., Прогресс, 1964, с. 245—246.)

На первый взгляд кажется, что итальянский текст переведен очень точно: содержание сохранилось полностью, не изменилась и стилистическая окраска отдельных слов (не везде, но в большинстве случаев) и даже синтаксическое построение предложений.

Переводчика нельзя обвинить в буквализме: его текст не грешит против правил русской грамматики¹. Одним словом, на первый взгляд, это обычный русский текст. И тем не менее автору перевода, как выражаются литературные критики, «не веришь». Что стоит за этим выражением, в целом понятно: герои не выглядят как живые люди, читатель не может ни сочувствовать им, ни вообще проявлять какой бы то ни было интерес к их жизни. Рассказ звучит надуманно.

Почему же это происходит? «Рецепторы перевода, — отмечает В. Н. Комиссаров, — не имеющие доступа к оригиналу, прежде всего оценивают перевод, наряду с оригинальными текстами на ПЯ, как самостоятельный текст на данном языке»². А рассказ-перевод написан не так, как пишутся подобные русские оригинальные произведения. Предельно упрощенно сюжет рассказа можно представить так: простой человек (человек из народа) рассказывает случай из своей жизни, рассуждая при этом о более общих проблемах. В русской литературе рассказы с подобным сюжетом далеко не редкость, поэтому у читателя, несомненно, имеется определенное представление о том, как подобный рассказ должен выглядеть.

Данной теме в русской литературной традиции отвечает иной, чем в рассказе-переводе, стиль, гораздо более низкий, более богатый разговорными элементами, близкий к народной речи. Это имеет свои причины, связанные с историей нашей страны и литературы, с историей формирования национального языка. «Маленький человек» — представитель демократических низов, человек из народа с благословения Пушкина, Гоголя и Белинского стал подлинным, действительным героем русской литературы. Естественно, что на страницы художественно-беллетристических произведений пришла и разговорно-обиходная речь во всем своем социально-диалектном разнообразии, слова и выражения, синтаксические построения, свойственные на-

¹ За исключением, пожалуй, корявого второго предложения: «Рим... пожирает кусок деревни... для своих новых домов», но мы разбираем не частные небрежности.

² Комиссаров В.-Н. Слово о переводе, 159.

родно-разговорной речи»¹. Русская литература развивалась в дальнейшем именно в этом направлении, и русскому читателю даже трудно представить себе, что какая-либо другая литература вовсе не так внимательна к разговорному языку.

Рассказ-перевод не вписывается в русскую литературную традицию, противоречит читательскому опыту. Он напоминает весьма толковое, пространное объяснение в официальном учреждении, записанное со слов довольно образованного человека: автор старается говорить точно, подробно, не допуская ненужной фамильярности. (Ни к чему подобному, разумеется, и не стремился переводчик).

Можно сказать, что переводчик не погрешил против Моравиа, но погрешил против русской литературной традиции.

Чтобы приведенные рассуждения не казались чересчур субъективными, попытаемся провести сравнительный анализ текста перевода и оригинального современного русского рассказа, написанного от лица «человека из народа». В качестве этого «контрольного» текста взят рассказ П. Нилина «Дурь». Вот его начало:

Жениться мне, откровенно говоря, сперва вовсе не хотелось. Женатый, я считал, ведь все равно, что связанный. Но на женитьбу меня подталкивала в первую очередь моя мамаша.

— Смотри, избегаешься, Николай, — все время предупреждала она меня. — Тем более, — говорила, — ты шофер, и женщины поэтому непрерывно тобой интересуются: подвези да прокати и так далее. Избалуешься ты, боюсь. И если женишься потом, жену уже не сможешь уважать как следует, поскольку тебе и сейчас такой повсеместный почет от баб...

Словом, мамаша стремилась, как обыкновенно, поставить меня, как говорится, на правильную точку. И пилила таким способом, наверно, минимум с полгода. А я еще совсем молодой был лопушок.

Наконец я решил жениться. И не на ком-нибудь, а на Танюшке Фешевой. Она и тогда работала в кафе на пристани. У нее были, вы представить себе не можете, какие богатые, ну совершенно русые волосы, вот так, по последней моде, раскиданные по плечам. Одним

¹ Б е л ь ч и к о в Ю. А. Русский литературный язык во второй половине XIX века. М., Высшая школа, 1974, с. 71.

словом, я раньше даже не мечтал на ней жениться, до того она казалась неприступная что ли. А вот случилось...

Поженились мы, прожили почти что годик, и она пожалуйста — родила девочку. Неплохо? Вот именно.

Протекло еще года полтора. Тут вызывают меня в военкомат. И знакомый военком прямо говорит — собирайся, Касаткин, поскольку данная тебе отсрочка по случаю твоих травм на лыжных соревнованиях кончилась. И Родина вроде того что желает увидеть тебя, как положено, на посту. Пора, мол, Касаткин, послужить Родине.

Пора так пора. И разговора никакого быть не может. Не я первый в таком деле и не я последний.

Посадили меня в эшелон, как водится, с такими же, как я, новобранцами и повезли аж до самой реки Амур.

Конечно, сперва я тосковал, как тоскует, может быть, всякий, тем более женатый человек. Вспоминал, как провожали меня родственники, в том числе и в первую очередь Танюшка и моя мамаша. Но в конце концов на людях я постепенно развеялся и вроде того что втянулся в эту для меня-то новую, а вообще-то обыкновенную солдатскую жизнь. (Нилин П. Дурь. — Новый мир, 1973, № 5, с. 91 —92).

Мы подсчитали, сколько в русском тексте и в переводе слов ниже и выше нейтральных по стилистической окраске. (Напр.: «сперва», «избегаешься», «лопушок» — «предупреждала», «неприступная», «стремилась»; «тихоня», «впрямь», «охотник» (желающий) — «традиция», «повинен», «соответствовало»). Пропорция низкие/высокие у Богемского 0,5; у Нилина — 3,0.

С точки зрения синтаксиса предложение перевода в среднем на 60% длиннее, чем предложение оригинального русского текста. Средняя синтаксическая сложность у Нилина — 1,4; у Богемского — 2,8. Как видим, текст перевода гораздо более «высок», более «книжен», чем оригинальный русский текст подобного типа.

Далее, попробуем составить текст перевода того же рассказа А. Моравиа по «параметрам» текста Нилина, т. е. средняя длина фразы 10, синтаксическая сложность 1,4; пропорция низкие/высокие 3,0. Вот что получается:

Огородником был дед, огородником — отец, я первый в нашем роду пошел по другой части. Только не

я тут виноват, а Рим — растет прямо на глазах, каждый год новый кусок земли заглатывает. Понастроят, знаете, здоровенных домищ, появятся улицы. У нас вокруг огорода, у реки, лет тридцать-сорок назад тростник рос, а теперь город и сюда добрался. Сейчас напротив рядом дома стоят, налево — ресторанчик «У парома». Содержит его Де Сантис. Вокруг сад, окна прямо на Тибр выходят. Направо — гараж с бензоколонкой, и вывеска неоновая светится.

Отец мой, однако, землю любил, и все работал да работал на огороде. На велосипеде туда каждое утро ездил. А я тем временем открыл на проспекте Остиензе лавчонку и торговал разными товарами для автомобилистов. Потом отец умер. Попробовал было я сдать участок в аренду, да ни один черт его что-то не брал. Ну, да мне до него и дела не было: в голове вещи поважней салата и капусты. Огород мало-помалу зарастал сорняками, на него стали валить всякую дрянь со всех окрестностей. Торчали там, знаете, какие-то кусты попережку с кучами мусора. Одним словом, превратился он в пустырь.

Владельца гаража звали Плачидо Диоталлеви. Мы с ним были друзья, можно сказать, прямо как братья. В двадцать лет мы очень похожи были: оба тощие, жилистые, оба непоседы. У обоих глаза так и горели. Оба отпустили себе челки. Заядлые спортсмены да и выпить не дураки. Я, в общем, каким был, таким и остался, а вот Плачидо нет; того, наоборот, как подменили. Попритих, остепенился. Что ни год — все солиднее да серьезнее. Прямо не узнать парня.

Сводная таблица по всем текстам

	Богемский	Нилин	Перевод по параметрам Нилина
1. Средняя длина предложения (кол-во слов от точки до точки)	27	10	10
2. Средняя синтаксическая сложность предложения	2,8	1,4	1,5
3. Пропорция: <u>низкие элементы</u> высокие элементы	0,5	3,0	3,0

Так как исследуемое направление теории перевода социологическое, уместно было бы применить социологический метод для подтверждения правильности наших выводов — анкетирование.

Таким образом,

1. социологическое направление теории перевода основывается на признании определяющей роли ситуации, в которой осуществляется перевод;

2. переводческий идеал в свете этого направления — тот, который, в основном, оправдывает ожидания читателя;

3. выяснение структуры ожиданий читателя является задачей разработанной нами анкеты;

4. но нашему предположению, в данную структуру ожиданий входит привычная для Получателя языковая форма;

5. привычная языковая форма тесно связана с понятием функционального стиля и через него с существующей в данном языковом сообществе традицией письменного и устного общения;

6. анализ некоторых переводов на русский язык показывает, что они плохо вписываются в соответствующую русскую традицию;

7. анализ соответствующих текстов на русском языке позволяет выявить некоторые параметры, по которым должны строиться соответствующие переводы с других языков;

8. среди этих параметров — соотношение высоких и низких элементов в тексте, длина фразы и мера синтаксической сложности.

Г. А. Красова

(Москва)

О НЕКОТОРЫХ ЗАКОНОМЕРНОСТЯХ ПЕРЕВОДА ЛЕКСИКО-АНАЛИТИЧЕСКИХ СТРУКТУР ИТАЛЬЯНСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Для современных литературно развитых языков характерно широкое распространение так называемых лексико-аналитических структур (АС) с глаголами широкого значения. В итальянском языке, где аналитические тенденции прослеживаются четче, чем в русском, круг глаголов, ис-

пользуемых для образования АС, уже, их значение более абстрактно, а сочетание в целом более устойчиво. Наблюдения показывают, что большинство глагольных аналитизмов современного итальянского языка включает один из пяти фундаментальных, «строєвых»¹ глаголов: avere — *иметь*, essere — *быть*, fare — *делать*, dare — *давать*, prendere — *брать*. В отличие от итальянского, русский язык использует более широкий круг глаголов. Вот некоторые примеры перевода итальянских АС с глаголом dare на русский язык: dare un grido — *вскрикнуть*; dare un salto — *сделать прыжок, прыгнуть*; dare una notizia — *сообщить, передать новость, известить*; dare un colpo — *нанести удар, ударить*; dare aiuto — *оказать помощь, помочь*; dare un contributo — *внести вклад*; dare un incarico — *дать поручение, поручить*; dare fastidio — *вызывать раздражение, раздражать*; dare importanza — *придавать значение*; dare confidenza — *доверять* и т. д. Приведенные примеры обнаруживают значительное расхождение в выборе глагольного компонента АС: если в итальянском языке глагол dare является постоянным глагольным компонентом АС, то в русском языке мы видим в составе АС десять различных глаголов. Иными словами, итальянскому единообразию русский язык противопоставляет различные варианты оформления глагольного компонента АС. В этой связи перевод итальянских АС на русский язык связан с определенными трудностями. Настоящая статья представляет собой попытку вывести некоторые закономерности перевода итальянских АС с глаголом dare на русский язык.

В современном итальянском языке можно выделить три основных типа АС с глаголом dare: АС с неопределенным артиклем (dare un colpo), АС без артикля (dare aiuto) и АС с определенным артиклем (dare la caccia).

I

АС с неопределенным артиклем характеризуются высокой продуктивностью. Использование неопределенного артикля здесь связано с передачей видовых значений «однократности — многократности» действия, т. е. значений, которые не могут быть переданы посредством простой глагольной лексемы.

¹ А л и с о в а Т. Б. Очерки синтаксиса современного итальянского языка. М., МГУ, 1971, с. 35.

В русском языке, где артикль отсутствует и развита грамматическая категория вида, располагающая собственным запасом морфологических средств, отмеченные видо-вые различия передаются при помощи специальных суффиксов и префиксов, подключаемых к глагольной основе. Указанные морфологические средства очень разнообразны. Тем не менее можно обнаружить определенные закономерности их использования при переводе итальянских АС с неопределенным артиклем. Например, значение «однократности» глагольного действия в русском языке часто передается посредством суффикса *-ну-*: dare un colpo — *стукнуть*; dare un grido — *крикнуть*; dare un urto — *толкнуть*; dare un fischio — *свистнуть*; dare un passo — *шагнуть*; dare uno strappo — *рвануть*; dare un salto — *прыгнуть*; dare un pizzico — *ущипнуть*; dare uno sguardo — *взглянуть*; dare una scossa — *встряхнуть*; dare una botta — *шлепнуть* и т. д. Для передачи «многократности» глагольного действия можно употребить русские префиксальные глаголы чаще всего с префиксом *по-* и с суффиксом *-ива-*: dare dei colpi — *постукивать*; dare delle grida — *покрикивать*; *вскрикивать*; dare degli urti — *подталкивать*; dare dei fischi — *посвистывать*; dare dei salti — *подпрыгивать*; dare dei pizzichi — *поущипывать*; dare degli sguardi — *поглядывать*; dare delle scosse — *подталкивать*; dare delle botte — *пошлепывать* и т. д.

В современном итальянском языке обращает на себя внимание использование АС с неопределенным артиклем для передачи абсолютного действия, но не всякого, а такого, которое имеет оттенок произвольности, неожиданности и внезапности, т. е. действия, заключенного в сфере субъекта, но независимого от его воли и желания: жесты, неожиданные движения, звуковые эффекты, внезапные проявления внутреннего состояния субъекта (или неодушевленного предмета). В этом случае к видовому значению «однократности — многократности» добавляется семантический компонент «начинательности, внезапности». Один из вариантов перевода на русский язык таких АС заключается в использовании префиксальных глаголов, поскольку в семантике таких префиксов, как *за-*, *рас-*, *в-* и им подобных, как раз и содержится отмеченный компонент «начинательности». Например: dare un salto — *вскочить*; dare un grido — *вскрикнуть*; dare un respiro — *вздохнуть*; dare un urlo — *взвыть*, *заорать*, *взвизгнуть*; dare uno stridore — *затарактеть*; dare un ruggito — *зарычать*, *зафыр-*

кать; dare un riso — *рассмеяться, засмеяться*; dare un pianto — *расплакаться, заплакать* и т. д.

Сравним два примера:

1. *Ci danno un grido e io e Tarquinio scendiamo.*
(Vittorini)

2. Toccò un qualcosa di solido ma soffice... Sempre brancolando, se lo ficcò in bocca intero. *Diede un piccolo grido di sorpresa*, scoprendo che aveva la marmellata dentro. (Calvino)

В первом примере АС *dare un grido* входит в состав модели с активным субъектом (*ci danno un grido*). Это предопределяет сознательность, намеренность в осуществлении действия. Отсюда перевод типа:

Они нам *крикнут* (нас позовут), и мы с Тарквинием спустимся.

Во втором случае та же АС используется для передачи абсолютного действия, образуя модель с *н е а к т и в н ы м* субъектом (*diede un grido di sorpresa*). Появление признака внезапности, произвольности действия подчеркивается здесь также употреблением характеризующего определения (*di sorpresa*). Поэтому перевод мог бы звучать следующим образом:

Неожиданно ему попало что-то упругое, но мягкое... Не переставая шарить вокруг, он целиком засунул его в рот. В следующую минуту *у него вырвался* негромкий возглас удивления и радости: внутри было варенье.

К АС с неопределенным артиклем относится и продуктивная модель с суффиксом *-ata* (*dare una lavata*), которая широко используется для обозначения действия непродолжительного, ограниченного во времени и в полноте своего проявления. Итальянские толковые словари¹ неслучайно сопровождают имена на *-ata* пометой типа: «atto... in una volta e rapidamente» — «действие быстрое и мгновенное» или «atto... in una volta e alla meglio» — «действие мгновенное и выполненное наспех, кое-как». Семантический компонент «мгновенности, непродолжительности и неполноты проявления действия», релевантный для

¹ Z i n g a r e l l i N. Vocabolario della lingua italiana. Bologna, 1973, p. 849, 1032.

смысловой структуры модели на *-ata*, в русском языке может быть передан посредством глагольных префиксов типа *по-*, *под-*, *на-*, *с-*, а также наречиями образа действия типа *слегка*, *едва*, *наспех*, *быстро*, *кое-как*, *разок*. Например: *dare una lavata* — *сполоснуть*; *dare una pulita* — *почистить*; *dare una guardata* — *взглянуть, посмотреть, поглядеть*; *dare una spiata* — *подглядеть, подсмотреть, проследить*; *dare una spazzolata* — *пройтись щеткой разок-другой*; *dare una strisciata* — *смахнуть пыль*; *dare una tirata* — *потянуть, натянуть*; *dare una bussata* — *постучать*; *dare una spazzata* — *подмести, пройтись веником*. Отмеченный смысловой компонент содержится также и в русской продуктивной модели на *ка-*, характерной для разговорной речи. Например: *Dacci una lavata!* — «Помой-ка; сполосни-ка; пройдишь-ка тряпкой!» Качественные прилагательные, например, *bello*, *buono*, *grande*, которые часто сопровождают модель на *ata-*, приобретают здесь функцию градуирующего наречия, характеризующего действие по его интенсивности. Например: *Voleva dargli una buona tiratina d'orecchi* (Collodi) можно перевести: «Она хотела хорошенько надрать ему уши».

Разновидностью модели на *-ata* являются АС, в состав которых входят абстрактные имена действия, образованные от названий частей тела или орудий (*occhio* — *occhiata*; *bastone* — *bastonata*...). В основе смысловой структуры этих имен лежит сема «удара», осуществленного посредством названного в имени предмета или части тела (ср.: *una bastonata* — *un colpo di bastone*; *una pedata* — *un colpo fatto col piede*). При переводе подобных структур на русский язык, как правило, используется глагол *ударить* или его более экспрессивные синонимы (*двинуть*, *шугануть*, *наподдать* и др.), а также указывается способ осуществления действия: *dare una bastonata* — *ударить палкой*; *dare una gomitata* — *толкнуть, двинуть локтем*; *dare una coltellata* — *нанести удар ножом, пырнуть ножом*; *dare una pedata* — *дать пинка, наподдать ногой*; *dare una cinghiata* — *дать ремня*; *dare una legnata* — *ударить плеткой, дать розги*; *dare una bacchettata* — *ударить, шугануть прутком* и т. д.

Если видовое значение «однократности» становится нерелевантным, то АС с глаголом *dare* получает оформление без артикля (*dare aiuto*, *fastidio*, *poia*) и служит целям расчлененного обозначения действия в его самом общем виде. Появление неопределенного артикля в модели без

артикля связано либо с употреблением определения, характеризующего действие, либо с указанием на частичную конкретизацию этого действия. В русском переводе последнее передается при помощи неопределенных прилагательных таких, как *некоторый, какой-то, какой-либо, хоть какой-то*. Например:

Disse che le dispiaceva *darmi un dolore*, che le dispiaceva moltissimo... (Bassani)

Она сказала, что ей не хотелось причинять мне какую-либо боль, что ей этого страшно не хотелось.

(Ср.: Quest'idea già bastava a *dargli dolore*. (Morante) — «Уже одна эта мысль причиняла ему боль/От одной этой мысли ему становилось больно».)

Основное внимание при переводе АС без артикля должно быть обращено на характер субъекта этих моделей. На основе залогового противопоставления «активного» и «пассивного» субъекта все многочисленные АС без артикля могут быть подразделены на два структурно-семантических типа: активные модели и модели косвенной каузации. При переводе на русский язык моделей первого типа мы должны сохранить, по-возможности, активную конструкцию с действующим субъектом — лицом и обратить основное внимание на выбор глагольного компонента модели. Например: *dare aiuto* — *оказать помощь*; *dare adesione* — *присоединиться*; *dare attuazione* — *реализовать, осуществить*; *dare ascolto* — *прислушаться*; *dare attenzione* — *обратить внимание*; *dare esecuzione* — *приступить к исполнению*; *dare lettura* — *зачитать* и т. д.

В основе структурно-смыслового оформления моделей косвенной каузации лежит расхождение между семантическим и синтаксическим субъектами. Грамматический субъект в моделях косвенной каузации выступает в роли причины тех или иных изменений в объекте. Поэтому позицию подлежащего в этих моделях замещают не только обозначения лица, но и неллица — предметов и событий, а в позиции прямого дополнения стоят имена, обозначающие состояния, признаки или качества, реальным носителем которых является имя в позиции косвенного дополнения. В моделях косвенной каузации смысловая структура глагола *dare* теряет сему «активность субъекта». В то же время в ней актуализируется каузативный компонент. Глагол *dare*, таким образом, оказывается эквивалентом русских каузативов *вызывать, причинять, придавать, сделать*

так, чтобы и т. д. Рассмотрим несколько вариантов моделей косвенной каузации и их возможные эквиваленты на русском языке.

1. *dare*+имена, обозначающие чувства (*dare fastidio, noia, piacere*).

Соответствует русской модели «*давать*+имена, обозначающие положительные чувства»: *dare felicità* — *давать счастье*; *dare godimento* — *давать наслаждение*; *dare soddisfazione* — *давать удовлетворение*; *dare sicurezza* — *давать уверенность*; *dare consolazione* — *давать успокоение* и т. д. Расхождения с русским языком идут по линии употребления глагола *dare* с именами, обозначающими отрицательные чувства. В этом случае при переводе на русский язык предлагается использовать каузативные глаголы типа *вызывать, наводить, внушать*. (Напр.: *dare fastidio* — *вызывать раздражение*; *dare rabbia* — *вызывать злость*; *dare soggezione* — *вызывать смущение*; *dare tristezza* — *наводить грусть*; *dare dolore* — *причинять боль* и т. д.); либо аналитическую конструкцию «*становиться*+ краткое прилагательное», соотносимое с именем, обозначающим чувство, с дополнительной позицией обстоятельства причины. Например:

Quest'idea già bastava a darmi dolore. (Morante)

При (от) одной этой мысли мне становилось больно.

2. *dare*+имена, обозначающие качество, признак (лица, предмета, события).

В русском языке в этом случае употребляется каузативный глагол «*придавать*+имя, обозначающее качество» либо расчлененная каузативная конструкция «*причина*+ *становиться* + прилагательное, обозначающее признак». Например: *dare morbidezza* — *придавать мягкость, становиться мягким*; *dare splendore* — *придавать блеск, становиться блестящим*; *dare solennità* — *придавать торжественность, становиться торжественным*; *dare forza* — *придавать силу, делать сильным*; *dare solidità, compattezza* — *придавать прочность, основательность; делать, становиться прочным, основательным* и т. д.

3. *dare*+имя, обозначающее «стандартные детали»¹+ прилагательное.

В основе данной модели лежат два конструктивных

¹А р у т ю н о в а Н. Д. Предложение и его смысл. М., Наука, 1976, с. 145.

элемента «глагол и имя с семантикой «стандартные детали», т. е. детали, присущие предмету по природе и не несущие никакой информации. В этом случае основной смысловой стержень модели заключен в прилагательном, семантика которого определяет степень присущего объекту признака. При переводе на русский язык часто используется трансформированная конструкция «сделать так, чтобы...» или «причина+становиться+имя, обозначающее «стандартные детали» в позиции подлежащего+предикативное прилагательное». Например:

I poliziotti portavano in testa i caschi di cuoio che davano loro fisionomie uniformi e disumane. (Calvino)

На полицейских были кожаные шлемы, от которых их лица становились одинаковыми и лишенными всякого человеческого выражения.

II

АС с определенным артиклем представляют собой малопродуктивную модель в современном итальянском языке. В них входят процессуальные имена (la caccia, lo sfratto, il Battesimo, la Cresima), а также имена конкретной семантики, для которых характерна семантика «инструментальности» (la cera, il latte, il petto, il lucido, l'acqua). В переводческом отношении заслуживает внимания второй тип. Его специфика состоит в том, что конкретное имя в составе АС с глаголом dare приобретает предикативную функцию, т. е. используется не в целях называния предмета передачи (напр., Le do uno straccio — «Я даю ей тряпку»), а имплицитно своей семантикой действие, регулярно производимое посредством предмета, обозначенного инструментальным именем АС. (Напр., Diedi lo straccio per terra — досл. «Я дал тряпку полу», т. е. «Я вымыл пол тряпкой» или более разговорный вариант — «Я прошелся тряпкой, протер слегка пол».) При переводе подобных АС на русский язык мы можем использовать либо соответствующий конкретный глагол, в семантике которого содержится денотативная сема инструментального имени, либо глагол более общего значения+инструментальное имя, а также их более экспрессивные синонимы из разговорного стиля речи. Например: dare la cera — *навощить, покрыть пол воском*; dare il latte — *накормить молоком, дать молока*; dare il lucido, il lustro — *начис-*

туть; dare lo straccio — протереть тряпкой, пройтись тряпкой; dare il petto — дать грудь, накормить; darsi il belletto — краситься, наложить румяна; darsi l'acqua di Colonia — надушиться, пользоваться одеколоном; darsi l'ollo — намазаться кремом, пользоваться кремом и т. д.

Таким образом, при всем разнообразии и кажущейся хаотичности в выборе средств перевода итальянских АС на русский язык можно вывести в них определенные закономерности, систему регулярно повторяющихся эквивалентных средств перевода, которые могут быть использованы в практике устного, например последовательного перевода, а также в практике преподавания перевода как с итальянского на русский, так и с русского языка на итальянский.

IV. ВОПРОСЫ МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ ПЕРЕВОДА

В. Л. Скалкин
(Одесса)

НЕКОТОРЫЕ МЕТОДИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ПРЕПОДАВАНИЯ ПЕРЕВОДА НА КУРСАХ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ

Программа и учебный план государственных трехгодичных курсов иностранных языков¹ предусматривают обучение слушателей умениям и навыкам переводческой деятельности, для чего в системе занятий по языку выделяется специальный учебный предмет «Перевод». Он читается на 5-м и 6-м семестрах и ограничен 76—80-ю часами практических занятий.

Цели и задачи указанного курса можно сформулировать следующим образом: ознакомить слушателей с основными приемами и путями решения переводческих задач и с основополагающими принципами и понятиями современной теории перевода².

Особенности курса перевода в рассматриваемом типе учебных заведений состоят в том, что, во-первых, слушатели приобщаются к переводческой деятельности уже после двух лет обучения языку, т. е. когда у них еще нет достаточно солидной языковой подготовки; во-вторых, на курсах, помимо практики языка, никакой теоретический курс не читается (за исключением эпизодических обзорных лекций по грамматике).

Основная направленность в обучении языку слушателей — специалистов народного хозяйства, работников

¹ Система государственных трехгодичных курсов иностранных языков для взрослых функционирует в ряде республик нашей страны, в частности, на Украине (в Киеве, Харькове, Одессе и т. д.). Общий курс языка — 1250-1290 часов.

² См.: Бархударов Л. С. О новом курсе «Теория и практика перевода» в пединститутах и факультетах иностранных языков. — Тетради переводчика, вып. 10. М., Междунар. отношения, 1973, с. 97.

культуры, рабочих, служащих, студентов вузов — носит сугубо практический характер.

Вместе с тем опыт показывает, что преподавание перевода немислимо без теоретических «отступлений», а главное, без достаточно глубокого осмысления обучающимися сложных механизмов переводческого эффекта, без знания четких правил и алгоритмов переводческой деятельности.

Поэтому в систему занятий по переводу должна органически вплестаться теория. Теоретические сведения по проблемам перевода обычно сообщаются слушателям на практических занятиях в виде соответствующих бесед, «введений» и «вставок». Однако на Одесских госкурсах иностранных языков уже в течение 10-и лет широко практикуется чтение микрокурса лекций по переводу. Они организуются для всего потока и, как правило, выносятся за рамки расписания на нулевые часы.

Предметом лекций (обычно их 6—8) являются наиболее общие теоретические проблемы¹. Укажем их тематику:

1. **Введение в курс перевода.** Определение цели, сущности и главных принципов перевода с одного языка на другой. Краткий очерк истории перевода и переводческой мысли. Единица перевода. Понятие буквального, вольного и адекватного перевода. Виды перевода, различающиеся по форме языковой коммуникации, жанрово-стилевой принадлежности подлинника, временной соотношенности перевода с речевым актом, полноте и характеру перевода.

2. **Некоторые средства и методы переводческой деятельности.** Замены. Антонимический перевод. Добавления. Опускания. Вынужденный буквализм. Компенсация. Восстановление информации и смысловое развитие.

3. **Лексико-грамматические соответствия между языком подлинника и языком перевода.** Семантические соотношения между лексическими единицами и грамматическими формами языка подлинника и языка перевода. Понятие широкого и узкого контекста. Ситуация. Многочисленность слова. Методика выбора нужного значения. Работа со словарями и справочниками.

4. **Особенности перевода слов-названий.** Обзор различных тенденций передачи имен собственных. Основная тен-

¹ В основу теоретического курса положены исследования как советских (Л. С. Бархударова, А. В. Федорова, В. Н. Комиссарова, Я. И. Рецкера, В. И. Тархова, А. Д. Швейцера, В. Г. Гака, М. Я. Цвиллинга, Р. К. Миньяр-Белоручева), так и зарубежных авторов (Ю. Найды, Дж. Кэтфорда, Ж. Мунэна и др.).

денция в современной практике. Передача антропонимов и топонимов. Передача названий госучреждений, общественных и производственных организаций. Передача наименований различных объектов, аппаратов, изданий, товаров. Перевод прозвищ.

5. **Перевод безэквивалентной лексики.** Транскрипция. Калька. Описательный перевод. Трудности дешифровки и перевода реалий.

6. **Перевод некоторых типов лексических единиц.** Перевод неологизмов и интернациональных слов. Перевод фразеологизмов и идиоматизмов. Перевод слов, обозначающих титулы и звания.

7. **Декодирование и способы перевода аббревиатур и акронимов.**

8. **Устный последовательный и двусторонний перевод.** Анализ основных коммуникативных ситуаций последовательного и двустороннего перевода. Перевод выступления, беседы. Уровни официальности двусторонней беседы и этикет переводчика. Особенности работы гида.

Методика обучения переводу знает два основных подхода при организации учебного курса. Это принципы конкретно-лингвистический и функциональный (в значительной степени соответствующие частной и общей теории перевода).

Первый состоит в том, что материал для перевода, используемые формы и приемы работы группируются вокруг определенной последовательности структурно-грамматических явлений и лексикологических категорий, таких, например, как инфинитив, герундий, страдательный залог, неологизмы и т. д.¹ Второй принцип ставит во главу угла собственно переводческие проблемы (переводческие трудности, приемы, правила и т. п.). Предполагается при этом, что слушатели знакомы с лексико-грамматическими явлениями, встречающимися в переводимых текстах, во всяком случае на уровне, обеспечивающем их правильное понимание.

На курсах иностранных языков предпочтение отдается второму подходу, что, в частности, видно из тематики лекций, которую мы привели выше.

¹ Примером пособия, построенного по данному принципу, является книга: З р а ж е в с к а я Т. А., Б е л я е в а Л. М. Трудности перевода с английского языка на русский. М., Междунар. отношения. 1972.

При организации обучения переводу на курсах особое внимание должно быть уделено уточнению целевых установок курсовой программы в плане дозировки тех или иных видов переводческой деятельности, правильному отбору тренировочных текстов-источников.¹

Социологическое обследование слушателей (методом анкетирования), проведенное нами в 1971—1973 гг. по вопросу о том, какую цель ставят они перед собой, поступая на курсы, и какими видами речевой деятельности они хотели бы овладеть, показало, что, наряду с другими практическими задачами, значительное число слушателей указало также перевод (свыше 38%). Дальнейшие беседы с учащимися позволили прийти к заключению, что они имеют в виду, в основном, такие разновидности переводческой деятельности (или перевод в таких ситуациях), которые дальше всего стоят от работы переводчика-профессионала «высшего класса» (напр., переводчика-синхрониста, переводчика художественной прозы и т. д.). Это и понятно: курсы не выпускают лингвистов-профессионалов, они лишь добавляют важный комплекс умений — владение новым «кодом» — к уже имеющимся профессиональным знаниям в какой-либо отрасли.

Таким образом, учитывая социально-коммуникативную роль выпускника курсов, а также дидактические особенности курса перевода в этом учебном заведении (о которых говорилось выше) мы пришли к ряду методических выводов. Так, следует, видимо, до минимума сократить (или полностью снять) перевод произведений художественной литературы. На занятиях в принципе можно продемонстрировать слушателям, что такое синхронный перевод, но тренировать их в нем нецелесообразно. Все письменные разновидности перевода должны быть ограничены только переводом с иностранного языка на родной. Что касается научно-технического перевода, то большое значение при его дозировке имеет состав группы. Если группа укомплектована научными работниками или инженерами (особенно однородных специальностей), то этому виду перевода можно уделить до 39—59% учебного времени.

Итак, на курсах основное внимание уделяется сле-

¹ См.: Мартынюк А. Н. Об аспекте «Перевод» на курсах иностранных языков. — В кн.: Тезисы докладов межкурсовой научно-методической конференции, посвященной вопросам обучения взрослых иностранным языкам. Одесса, 1968, с. 37.

дующим видам перевода: а) письменно-письменный перевод (главным образом, перевод газетно-информационных материалов и общественно-политической публицистики различных жанров); б) устно-устный перевод (последовательный и двусторонний); в) письменно-устный (перевод с листа).

Рассмотрим вопрос о жанре текста (для письменного перевода) и коммуникативных ситуациях (для перевода устного). Почему для письменного перевода мы используем газетно-информационные материалы и публицистику? Ведь в идеальном случае каждый слушатель на курсах должен практиковаться в переводе литературы по своей специальности¹.

Обоснование нашего выбора сводится к следующему. Во-первых, тексты рассматриваемого жанра относительно просты по содержанию и языковому оформлению; во-вторых, они не требуют специальных, узко-профессиональных знаний (все читают газеты, и достаточно подготовлены к восприятию информационного материала); этот жанр близок по интересам практически каждому слушателю; в-третьих, выпускаемые в свет пособия, как правило, построены на газетном материале². Разнообразие явлений, представляющих переводческий интерес, которые можно встретить в различных жанрах газетно-журнальной публицистики, полностью обеспечивают преподавателю возможность, не прибегая к введению дополнительной лексики, выработать у слушателей навыки письменного перевода, с перспективой переноса их на перевод других жанров.

Сложнее обстоит дело с материалом для устного перевода. К наиболее типичным ситуациям, в которых специалист может выступить как переводчик, можно отнести: встречу и прием зарубежных коллег, групповые беседы на вечере интернациональной дружбы, сопровождение зарубежных гостей, групповые встречи советских туристов за рубежом и т. д. В аналогичных ситуациях применяется также последовательный перевод. Для перевода с листа типичны несколько иные обстоятельства (напр., руководитель может попросить своего сотрудника, владею-

¹ На курсах имеется опыт работы со слушателями по их индивидуальному плану. Однако из-за организационных сложностей он не получил широкого распространения.

² См.: Ч и т а л и н а Н. А. Учись переводить. М., Междунар. отношения, 1975.

щего иностранным языком, изложить на родном языке содержание только что полученного письма, документа, статьи).

Следует сказать, что, за исключением пособий Г. Г. Юдиной¹, двусторонний перевод в учебной литературе практически не представлен. Что касается указанных книг, то по характеру ситуаций, и особенно по языковому оформлению, они больше тяготеют к потребностям профессиональных переводчиков, и на курсах используются с соответствующим отбором и адаптацией. Развитие навыков последовательного перевода организуется, как правило, на базе собственного материала преподавателя. Обычно это опубликованная в печати или скомпилированная речь общественного деятеля, иногда — просто публицистическая статья, соответствующим образом препарированная.

Проще решается вопрос отбора материалов для перевода с листа. Для этих целей используются вырезки из «Moscow news», пособия для чтения и перевода научно-популярных текстов², деловые письма, рекламные проспекты и объявления.

По-видимому, назрела необходимость в создании комплексного учебного пособия по переводу, специально предназначенного для курсов иностранных языков. Автором этих строк была предпринята такая попытка много лет назад³, однако в настоящее время курсы нуждаются в новых материалах, отвечающих современным лингво-методическим требованиям.

На курсах сложилась определенная, ставшая уже традиционной, структура занятия по переводу. Типовая «пара» включает следующие этапы-компоненты: 1) организационный момент (5% учебного времени); 2) теоретическое введение, «вставка» (10%); 3) формы работы по развитию навыков письменного перевода (45%); 4) формы работы по

¹ Ю д и н а Г. Г. Учитель устному переводу. М., Междунар. отношения, 1962; Ю д и н а Г. Г. Совершенствуйте устный перевод. М., Междунар. отношения, 1976.

² Напр.: Ч е б у р а ш к и н Н. Д. Хрестоматия по техническому переводу (для учащихся IX класса с преподаванием ряда предметов на английском языке). М., Просвещение, 1976.

³ С к а л к и н В. Л. Пособие для практических занятий по переводу с английского языка (для слушателей курсов иностранных языков). Одесса, 1962.

развитию навыков устного перевода (30%); 5) систематизация лексико-грамматических знаний (10%).

Понятно, что последовательность указанных этапов не является жесткой: структура занятия меняется, в зависимости от цели урока и характера материала, подлежащего проработке. Возможны занятия, целиком посвященные устному или письменному переводу. Рассмотрим каждый из названных выше этапов более подробно.

1. Оргмомент включает общую вступительную беседу педагога, выяснение готовности группы к занятию (в условиях курсов, т. е. учебы без отрыва от производства это не простое соблюдение «ритуала»), различного рода указания по ходу занятия, выдачу и разъяснение домашнего задания и т. д.

2. Теоретическое введение имеет форму предваряющего комментария конкретных вопросов перевода, которые в силу своего «локального» характера и привязанности к данному тексту либо недостаточности объема в масштабах курсовой программы было бы нецелесообразно рассматривать в лекции. Разумеется, не на каждом занятии преподаватель прибегает к пространной беседе такого типа. Однако она всегда уместна, а) когда слушатели приступают к новому виду переводческой деятельности (напр., к переводу с листа; здесь важно указать на основные ситуации применения этой разновидности перевода, дать некоторые советы, изложить методику формирования навыка опережающего прочтения и т. д.); б) когда слушатели приступают к работе над текстами нового для них жанра (напр., после перевода газетно-информационных материалов они переключаются на перевод статей публицистического характера); в) когда в переводимом тексте встречаются обладающие определенной повторяемостью фразеологические обороты или специфические грамматические явления, перевод которых без специального комментария был бы затруднен.

Теоретический комментарий может иметь вид «вставки», даваемой в процессе непосредственной работы над текстом (напр., при проверке письменного перевода). Так, если преподаватель обнаруживает, что слушатели не уверены, как переводить английские слова *Mr.* и *Mrs.*, он разъясняет (учащиеся записывают), что эти традиционные формы вежливого общения переводятся в разных случаях по-разному. При переводе газетно-информационных материалов эти слова на русский язык обычно не передаются (за

исключением Mrs. — *г-жа* в тех случаях, когда никаким другим способом нельзя передать пол лица). При переводе официальных посланий, писем и обращений слова Mr. и Mrs. переводятся соответственно *г-н* и *г-жа*. Наконец, рассматриваемые формы передаются с помощью *мистер* и *миссис* при переводе литературно-художественных и драматургических произведений для сохранения социально-этнографического колорита англо-говорящей страны.

Примерами тем для других теоретических введений могут быть такие вопросы, как перевод заглавий, цитат, крылатых выражений, проблема дробления и объединения предложений, особенности передачи некоторых грамматических структур или частей речи на русский язык (напр., передача неличных форм английского глагола, перевод артикля), особенности перевода некоторых словосочетаний и слов (напр., слова *royal* в сочетании с *-Festival Hall*, *-Cavalry*, *-family*, *-opera*, *-colours*, *-Air Force*, *-Academy*).

3. Наиболее эффективной и, на наш взгляд, достаточно апробированной формой работы по развитию навыков письменного перевода является проверка-анализ в классе переводов, выполненных слушателями дома. Обычно преподаватель анализирует текст по предложениям. Слушатели зачитывают свои варианты. Задача преподавателя — подвергнуть их всестороннему, сопоставительному анализу. Он отмечает наличие смысловых ошибок, раскрывает их характер и причину, подкрепляет свое объяснение примерами. Из ряда предложенных вариантов он выбирает самый удачный, обосновывает свой выбор, берет его за основу и путем дополнительных корректировок вырабатывает с помощью слушателей адекватный вариант предложения на русском языке.

Так, обсуждая различные варианты перевода фразы *Thousands of jobless in Michigan are forced to live on a hand-to-mouth existence /.../*, преподаватель указывает, что предложенное учащимися русское выражение *перебиваться с хлеба на квас* для этого случая не подходит, так как вносит в текст русский национальный колорит (лучше: *влачить полуголодное существование* или *перебиваться с хлеба на воду*).

4. Этап занятия, на котором организуется развитие навыков устного перевода, представлен следующими формами работы (здесь мы опишем все основные приемы, хотя на одном занятии, как правило, используется лишь форма

работы по развитию какой-либо одной разновидности устного перевода).

Последовательный перевод. Непосредственной работе над текстом предшествует активизация некоторых слов и оборотов речи, перечень которых либо заранее записывается на доске, либо раздается слушателям на листках, отпечатанных на машинке.

Преподаватель зачитывает по частям текст, имитируя выступление, и предлагает слушателям по очереди переводить его. Работа по переводу второй половины текста обычно проводится в парах: преподаватель читает текст, один из «напарников» переводит, второй слушает, корректирует вариант своего партнера, используя контрольный перевод, копия которого имеется у каждой пары на столе.

Устный текст может быть представлен в виде магнитофонной записи. В этом случае используются дикторы, различающиеся по возрасту, полу, социально-диалектной характеристике речи и т. д.

Двусторонний перевод. Навыки в этом виде переводческой деятельности могут быть развиты только при работе над диалогическими, ситуативно связанными материалами в условиях, по возможности приближенных к реальным¹. В классе разыгрываются ситуации двусторонней беседы: один слушатель «играет» иностранца, второй — советского гражданина, третий — переводчик. Затем роли меняются, так что каждый последовательно выполняет все функции участников беседы. Преподаватель с помощью слушателей исправляет допускаемые ошибки, дает более удачные варианты. Другой диалог может быть проработан в группках по три слушателя самостоятельно.

Перевод с листа. На первых порах слушателям предоставляется возможность ознакомиться с текстом заранее — либо дома (при достаточном количестве раздаточного материала), либо на занятии, для чего выделяется несколько минут. В дальнейшем слушатели приобщаются к переводу с листа без предварительной подготовки. Процедура — фронтально-последовательная. Понятно, что к тексту предъявляются особые требования. Он должен быть достаточно простым, информативно «прозрачным», не содержать неизвестных единиц в ключевых позициях и т. д.

¹ См.: Ю д и н а Г. Г. Указ. соч. (1976 г.) Предисловие.

5. Важность систематизации лексико-грамматического материала как постоянного ингредиента работы преподавателя по развитию навыков переводческой деятельности диктуется факторами двух родов: во-первых, недостаточностью общеязыковой подготовки слушателей (о чем мы уже говорили), во-вторых, необходимостью повышения эффективности занятий по переводу. Последнее нуждается в пояснении. Дело в том, что занятия по переводу организуются на базе речевого материала определенной жанрово-тематической отнесенности, что позволяет говорить с известными оговорками о подъязыке данного учебного предмета. Следовательно, систематическая проработка отобранного минимума наиболее частотных лексических единиц и грамматических структур в свете этого становится актуальной и полезной. Среди форм работы, используемых преподавателем на этом этапе занятий, можно указать толковательную семантизацию лексических единиц, перевод изолированных предложений с этими явлениями, фронтальный опрос слов и выражений и др.

Преподаватели, читающие перевод на курсах, уделяют должное внимание ведению слушателями тетрадей. Учащимся предлагается определенная схема записи, в целом как бы отражающая элементы переводческого процесса. На развороте тетради (желательно большой) вертикальными линиями образуются четыре колонки, которые предназначены для записей определенного характера (см схему).

Запись текста, подлежащего переводу	Новые слова и выражения, значение которых устанавливается по словарям	I вариант перевода (выполненный слушателем дома)	II вариант перевода (отработанный в классе под руководством преподавателя)
-------------------------------------	---	--	--

Несколько слов о системе контроля и оценке умений слушателей. Преподаватель ведет учет текущей успеваемости по предмету, участие каждого слушателя в уроке оценивается соответствующей отметкой. В середине семестра проводится контрольная письменная работа. После 5-го семестра слушатели сдают зачет, который включает собеседование по теории, устный перевод и письменную работу (перевод с иностранного, объем — 1200 печ. знаков, вре-

мя — 2 акад. часа). 6-й семестр заканчивается экзаменом. Это, во-первых, письменный перевод с иностранного текста объемом в 1400 печ. знаков, во-вторых, устный перевод связного текста как элемент общего выпускного экзамена по языку. Здесь слушатели переводят иноязычный текст с фонограммы, а на иностранный язык — с листа. Экзаменам предшествует коллоквиум по теории перевода.

В заключение сделаем несколько общих замечаний о курсе перевода в рассматриваемом типе учебных заведений. Наш многолетний опыт работы на курсах системы ИИ—ЯЗ (свыше 17 лет) убеждает в том, что указанный учебный предмет является очень полезным, как в плане приобретения слушателями определенных практических умений, необходимых в их профессиональной деятельности, так и в плане улучшения общеязыковой подготовки обучающихся¹. Слушатели, как правило, проявляют большой интерес к занятиям по переводу, просят давать им дополнительные индивидуальные задания. Успехи большинства учащихся радуют преподавателей.

Вместе с тем нельзя закрывать глаза на трудности чтения курса перевода, которые в целом схожи со спецификой обучения ему в специальных вузах, но выражены с большей контрастностью. Слушатели курсов, в общем, хуже, труднее и медленнее осмысливают иноязычный источник, часто допускают немало стилистических ошибок в варианте на родном языке. Им явно не хватает общефилологической подготовки. При работе по устному переводу наблюдается частое забывание слушателями только что прослушанного текста, наличие грубых ошибок при передаче текста на иностранный язык. Все это требует от преподавателя постоянной и кропотливой работы по развитию множества сопутствующих переводу знаний и умений, что, в какой-то мере, отвлекает его от основного дела. Переводческая деятельность, даже тренировочная, требует большого напряжения всех психофизиологических сил человека. Между тем занятия на курсах проводятся вечером, после трудового дня. Имеются и другие сложности.

¹ Совершенно прав проф. Л. С. Бархударов, указывая, что, наряду с основными задачами, курс перевода служит также вспомогательным целям, как-то: проверка понимания студентами всех особенностей и нюансов иноязычного текста, расширение словарного запаса учащихся, контроль чистоты и правильности родного языка, развитие навыков пользования словарями и др. (См.: Бархударов Л. С. Указ. соч., с. 100.)

Выход — в совершенствовании методики преподавания, в разработке наиболее эффективных форм и приемов работы, в создании для курсов системы учебных пособий, построенных на принципах коммуникативной направленности, учета социолингвистической структуры языкового общения¹, эффективности и рациональности. На повестке дня создание монографических исследований, посвященных методике обучения слушателей курсов иностранным языкам, в том числе переводу.

¹ Подробнее об этом см.: Скалкин В. Л. Теоретические основы учебника устной речи для взрослых (английский язык). Канд. дис. Одесса, 1972.

У. РЕЦЕНЗИА

В. А. Шорохов
(Москва)

ОБ АКТУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМАХ УЧЕБНОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ*

Как известно, Л. В. Щерба в свое время сетовал на то, что ученые-языковеды чураются у нас практической словарной работы¹. Этим обстоятельством объяснил он низкий профессиональный и научный уровень нашего словарного дела. Положение в этой области отечественного языкознания меняется буквально на наших глазах. Сейчас к этой работе привлечены крупные силы. Проблемами теоретической лексикографии занимаются видные ученые, в создании словарей принимают участие целые коллективы. Все более разнообразной становится лексикографическая продукция: словари омонимов, синонимов, антонимов, ономастические, ассоциативные, частотные, тематические, иллюстрированные и т. д. На качественно новую ступень поднялся их научный уровень. Широкая панорама достижений в этой области открывается со страниц нового лексикографического сборника, посвященного проблемам учебных словарей.

Сборник, выпущенный издательством «Русский язык», открывается статьей В. Г. Гака «О некоторых закономер-

* Актуальные проблемы учебной лексикографии./Сост. В. А. Редькин. М., Русский язык, 1977, с. 320.

¹ «Я считаю крайне неправильным то пренебрежительное отношение наших квалифицированных лингвистов к словарной работе, благодаря которому почти никто из них никогда ею не занимался (в старые времена это за гроши делали случайные любители, не имевшие решительно никакой специальной подготовки) и благодаря которому она получила даже такое нелепое название—«составление» словарей. И действительно, и наши лингвисты, а тем более наши «составители» словарей просмотрели, что работа эта должна иметь научный характер и никак не состоять в механическом сопоставлении каких-то готовых элементов». (См.: Щерба Л. В. Предисловие к «Русско-французскому словарю». М., Сов. энциклопедия, 1969.)

ностях развития лексикографии (Учебная и общая лексикография в историческом аспекте)». Рассмотрев соотношение общей и учебной лексикографии на большом историческом материале, автор приходит к выводу, что «фактически не учебная лексикография отпочковалась от общей, но общая развилась в результате эволюции той деятельности, у истоков которой находилась учебная лексикография». Задачи, встающие сегодня перед составителем учебного словаря, приходилось решать многим поколениям лексикографов и раньше. Психофизиологические особенности человека довольно устойчивы во времени, напоминает автор, а это значит, что педагогические приемы, выработанные задолго до нашего времени, можно успешно применять и сейчас. «Поэтому при разработке теории и практики современной учебной лексикографии большой интерес может представить анализ ранних словарей учебного типа».

С этим выводом нельзя не согласиться. И действительно, обсуждая вопрос о создании универсального учебного словаря, П. Н. Денисов («Об универсальной структуре словарной статьи») анализирует прежде всего богатейшую историческую традицию лексикографии. «Теория лексикографии как самостоятельная историко-филологическая и лингвистическая дисциплина складывается на наших глазах. Она опирается на историю лексикографии и на практическую словарную работу», — подчеркивает автор. Безусловно, критическое освоение тысячелетнего опыта мировой лексикографии является весьма актуальной задачей, решение которой может обогатить современную лексикографию ценными идеями и методами.

Содержание понятия «учебная лексикография» подробно обсуждается в статье В. В. Морковкина «Учебная лексикография как особая лингвометодическая дисциплина». В. В. Морковкин возражает против определения «учебной лексикографии» как «лексикографии меньших форм и большей обучающей направленности», ибо при таком понимании теряется ее специфика и она растворяется в общей, «академической» лексикографии. Совершенно правильно автор указывает, что в ведении этой науки должны находиться и вопросы создания лексических минимумов, и учебных пособий по лексике, и проблемы презентации лексики в словаре учебника. Сейчас они решаются зачастую «по наитию», «по интуиции», без должного теоретического обоснования. В целом «учебная лексикография» определена в статье как *лингвометодическая дисциплина, содер-*

жанием которой являются теоретические и практические аспекты описания лексики в учебных целях».

К указанным статьям довольно тесно примыкает по содержанию статья «Педагогическая речь словаря», пятая глава из книги известных французских ученых Ж. и К. Дюбуа «Введение в лексикографию»¹. Перевод ее помещен в рецензируемом сборнике в первом разделе, где сгруппированы статьи, посвященные общим вопросам учебной лексикографии. Авторы выдвигают тезис: «Словарь относится к произведениям *дидактического* жанра, и в пределах этого жанра лексикографическое высказывание имеет важнейшие характеристики *педагогической речи*». Обоснованию этого утверждения и посвящена глава пятая. В. Г. Гак в целом соглашается с мнением французских ученых, но отмечает (в указанной статье), что «хотя дидактический элемент присущ любому словарю, он проявляется с неодинаковой степенью эксплицитности в словарях разного типа». Относительно академического, «нормативного» словаря все высказанные авторами положения кажутся вполне справедливыми (напр.: «Словарь — это общественный институт, функция которого заключается в определении языковой нормы»). Что же касается словарей учебных, и в особенности специальных лингвистических словарей, то понятие «нормы» применительно к ним потребует уточнений. Дидактическая функция учебного словаря очевидна, но она отнюдь не очевидна в отношении словарей исторических, этимологических, областных и т. д.

Целый ряд статей сборника посвящен конкретным типам словарей. Так, В. А. Редькин и А. Л. Сахаров в статье «Морфонема и морфонологический словарь русского языка» обсуждают в терминах морфонологии две модели русского языка — аналитическую и синтетическую. В рамках аналитической модели авторами вводятся основные понятия (морфонологической единицы, дифференциальных признаков, позиции различения и нейтрализации) и предлагается проект морфонологического словаря. Проект иллюстрирован пробными словарными статьями. Следует горячо приветствовать работу над таким словарем. Несомненно, он найдет много практических приложений. Успешное завершение его, кроме того, явилось бы лишним аргументом в пользу аналитической модели. В. М. Никитевич

¹ Dubois J., Dubois C. Introduction à la lexicographie. P., 1971, p. 49—56.

(«Принципы составления двуязычных словарей с включением деривационных сочетаний») пишет об особом типе двуязычного словаря. В отдельных статьях словаря будут отражены наиболее регулярные словообразовательные типы. Автор считает, что такой словарь особенно полезен, когда язык обучаемого типологически резко отличается от русского языка. Нам представляется, что такой словарь был бы особенно эффективен в сочетании с тематическим. В самом деле, если лексику по отдельным темам в процессе овладения иностранным языком мы изучаем в определенной системе, комплексно, то деривационные «гнезда» формируются у нас до некоторой степени стихийно. Знакомство с морфологией помогает нам понять механизмы словообразования в изучаемом языке, распознавать структуру неизвестных слов, но как эти механизмы «работают» применительно к конкретным словоформам — об этом мы узнаем случайно, в процессе работы над конкретными текстами. Усваивая значения отдельных словоформ, связанных словообразовательно, мы довольно часто оказываемся не в состоянии определить то общее, что лежит в основе всего деривационного «гнезда». Здесь помощь лексикографа весьма желательна, а зачастую и просто необходима.

Вопросы обучения русскому произношению и создания соответствующего словаря рассматривают В. В. Иванов и Б. С. Гулакян в статье «Фонетико-орфоэпический минимум и учебный орфоэпический словарь русского языка для нерусских учащихся». Авторы подробно обсуждают проблему минимизации материала и возможность создать «Единый фонетико-орфоэпический минимум русского языка для нерусских учащихся». Такой минимум должен послужить основой для последующей работы над орфоэпическим словарем, который будет строиться по тематическому принципу. «Учебный фонетико-орфоэпический минимум характеризуется нейтральностью по отношению к профессиональной принадлежности изучающего язык и к его родному языку». Неясно, предполагают ли авторы просто игнорировать фонетический опыт иноязычного обучаемого, либо все-таки в какой-то мере учитывать его в процессе обучения русскому языку. С одной стороны, декларируется «нейтральность» минимума по отношению к родному языку обучаемого. А с другой — учет «возможности для осуществления лингвистически неуязвимых сопоставлений с родным языком».

Особого упоминания заслуживают статьи, где излагаются результаты статистической обработки материала в целях создания учебных словарей. Статистический метод является сравнительно новым в нашей лексикографической работе, и тем отраднее видеть, что о нем не только все чаще упоминают, но и все шире прибегают к нему при исследовании языка. Но прежде следует упомянуть о сообщении английского исследователя Р. Хадена («К установлению лексических минимумов с учетом разных «регистров» русского языка»). «С 1965 по 1969 гг. в Центре языков Эссекского университета (Англия) осуществлялась развернутая программа исследований по русскому языку под названием «Проект исследования современного русского языка». Работа велась с целью «дать статистические материалы по русской грамматике и лексике для последующего прикладного использования этих материалов при составлении учебных пособий, грамматических описаний и т. д.». Р. Хаден вводит понятие «регистра», причем отмечает, что оно близко по содержанию к понятию «функциональный стиль», используемому чехословацкими и советскими учеными. «Однако функциональные стили нередко вводятся априори, и особенности речевого акта приписываются данному стилю зачастую интуитивно». Свободным от этих недостатков автор считает понятие «регистра», характеризующееся некоторым ограниченным набором ситуационных и языковых параметров. В сообщении подробно освещен порядок работы, проделанной над корпусом текстов в 200 тыс. словоупотреблений. В заключение автор указывает, что программа оказалась очень сложной, и запланированный объем работ, вследствие этого, осуществить не удалось. «Полученные результаты, — заявляет он, — не оправдывают подобной сложности, такого подробного анализа».

Ю. В. Ванников в статье «Единая справочная лингвостатистическая система как база учебной лексикографии» упоминает работу, осуществленную в рамках «Проекта исследования современного русского языка», но отмечает при этом, что «предложенные до сих пор системы факторной классификации либо недостаточно полны, либо слабо детализированы». Таким образом, если Р. Хаден считает, что система оказалась слишком сложной даже при ограниченном числе параметров, то Ю. В. Ванников, напротив, заявляет, что факторов (параметров «регистров») пока явно недостаточно для удовлетворительной факторной параме-

тризации текстов. В статье перечислены экстралингвистические и языковые факторы, регулирующие употребление единиц разных уровней в тексте. Разработана общая факторная типология текстов и выборок, параметризованных по детерминирующим признакам. Подробно изложена процедура факторного анализа. Основываясь на данной теории, Ю. Г. Овсиенко («Частотный словарь-справочник русской разговорной речи») строит лингвостатистический справочник. В отличие от обычных частотных словарей, где информация выдается относительно лексических единиц, описываемый словарь содержит более общую информацию об обследуемом функциональном стиле, его лексике и грамматике. Весь материал представлен корпусом текстов в 400 тыс. словоупотреблений. По определенным параметрам этот корпус текстов разбит на выборки по 250 слов каждая. В статье детально изложена форма представления результатов обработки материала. В целом следует отметить, что вопрос об анализе текста ставился только в связи с лингвостатистическими исследованиями. Авторы других статей сборника проблему отбора и типологии текстов даже не упоминают.

Проблемы фразеологии обсуждаются в статье Ю. Е. Прохорова «Русские крылатые выражения как объект учебной лексикографии» и В. И. Зимина «О важном компоненте словарной статьи учебного фразеологического словаря». В. И. Зимин раскрывает важную роль этимологии в толковании фразеологизмов. Ю. Е. Прохоров пишет об учебном лингвострановедческом словаре русских крылатых слов и выражений, работа над которым ведется в Секторе лингвострановедения Института русского языка им. А. С. Пушкина. Крылатые слова и выражения описываются следующим образом. Во-первых, дается толкование всех реалий, входящих в описываемое выражение. Во-вторых, указывается источник речения. В-третьих, раскрывается связь крылатого выражения с источником, автором, историческим явлением, лежащим в его основе. Эти общие положения иллюстрированы примерами. Вот один из них:

«ОХ, ТЯЖЕЛА ТЫ, ШАПКА МОНОМАХА!» Слова царя Бориса из драмы А. С. Пушкина «Борис Годунов» (1825), сцена «Царские палаты».

Шапку Мономаха надевали на нового русского царя во время «венчания на царство» (коронации). По пре-

данню, получил ее из Византии как символ царской власти киевский великий князь Владимир Мономах (1052—1125). От Владимира Мономаха вели свою родословную русские цари. В настоящее время шапка Мономаха находится в музее — Оружейной палате Московского Кремля. Она украшена большим количеством драгоценностей и потому очень тяжелая.

Приведенное толкование нам представляется неудачным. Во-первых, ничего не сказано о том, что слова «шапка Мономаха» употреблены здесь не в прямом, а в переносном смысле. Во-вторых, ничего не сказано о значении слова «тяжелая» (не «увесистая», не «тяжеловесная», а именно «тяжелая»). Таким образом, смысл слов Бориса остался совершенно не раскрытым, и ссылка на сцену «Царские палаты» ничего не меняет. А замечание о том, что «шапка украшена большим количеством драгоценностей и потому очень тяжелая» в связи с толкуемой фразой вообще неуместно (и напоминает чеховский анекдот об «Иване Грозном, прозванном Васильевичем за свою жестокость»). Кстати, бесполезно для толкования слов Бориса было бы вспомнить и первые слова его монолога: «Ух, тяжело!.. дай дух переведу...»

Вопросы сочетаемости обсуждает В. Д. Аракин («Лексическая сочетаемость как один из компонентов словарной статьи») и В. И. Красных («Материалы к словарю лексико-синтаксической сочетаемости»). В. И. Красных проанализировал большой материал и составил списки «опорных слов, сочетающихся при помощи различных союзных средств с придаточной частью, т. е. способных к фразовому управлению». Списки приведены в статье. В дальнейшем автор намеревается использовать их для создания учебного словаря лексико-синтаксической сочетаемости. В. Д. Аракин указывает на то, что, помимо «грамматической валентности», слова имеют еще и «валентность лексическую», т. е. сочетаются друг с другом избирательно. Это свойство лексики недостаточно полно и последовательно, по мнению автора, отражается в существующих толковых и учебных словарях. Поэтому он считает целесообразным издание нескольких словарей, которые были бы построены в соответствии с принципами, изложенными в статье. В учебном словаре, строящемся на материале определенных текстов, можно достаточно полно представить лексическую сочетаемость. Такой словарь, безусловно, был бы очень полезен.

В. Д. Уваров («Логический и исторический подходы к построению словарного толкования»), проанализировав наиболее распространенные способы представления слова в словарях, приходит к выводу, что «определение через общие понятия оказывается основным методом толкования слов». Это логический принцип. На убедительных примерах автор показывает далее, что очень эффективным способом представления значения слов является исследование их исторического движения и что «нужно идти к современным значениям слова через историю его развития, начиная с происхождения». Утверждения автора хорошо аргументированы. Логический принцип толкования действительно представлялся и представляется до сих пор многим лексикографам идеальным. Но давно уже отмечено, что его невозможно провести строго и последовательно даже в академическом словаре. Л. В. Щерба показал это на примере определения прямой линии в геометрии и понятия о ней в быту («Опыт общей теории лексикографии», Этюд I, § 2). Но и исторический принцип не универсален. И все-таки примеры, приводимые автором, доказывают его очень большую эффективность. Следует продолжать его разработку, пока не обозначатся границы его применимости.

В беглом обзоре невозможно охватить все богатство материала, представленного в сборнике. Следует в заключение отметить прекрасное оформление книги. В ней имеются именной и предметно-терминологический указатели. Сделано все, чтобы облегчить читателю поиск нужной информации. Каждый, кто интересуется вопросами русской лексикографии, прочтет новый сборник с интересом и пользой.

I. Вопросы теории перевода

- О. Каде.* К вопросу о предмете лингвистической теории перевода
- В. Г. Гак.* Сопоставительные исследования и переводческий анализ
- В. Ф. Самсонов.* К анализу гипотезы Куайна о неопределенности перевода

II. Вопросы художественного перевода

- Ю. М. Каган.* О переводе на русский язык «Утопии» Томаса Мора
- Г. В. Шатков.* Стилистический анализ текста при переводе

III. Вопросы практики перевода

- Т. Р. Левицкая, А. М. Фитерман.* Компрессия в английском языке и ее передача в переводе.
- О. П. Брандес.* Прагматика языка как переводческая проблема
- А. В. Садиков.* Перевод арготизмов (На материале испанского языка)
- Т. В. Воеводина.* О соответствии перевода жанровым традициям ПЯ в свете социологической теории перевода.
- Г. А. Красова.* О некоторых закономерностях перевода лексико-аналитических структур итальянского языка на русский язык

IV. Вопросы методики преподавания перевода

- В. Л. Скалкин.* Некоторые методические вопросы преподавания перевода на курсах иностранных языков для взрослых

V. Рецензия

- В. А. Шорохов.* Об актуальных проблемах учебной лексикографии

45 коп.

